

Бертрис Смолл Рабыня страсти

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130669
Рабыня страсти: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084582-8*

Аннотация

Печальная судьба уготована юной кельтской красавице Риган – она жертвует целомудрием ради сестры, заменив ее на брачном ложе, после чего отправляется в монастырь. Но вместо убогой кельи Риган попадает в руки работоторговца, а затем – в гарем. Там девушке предстоит постигнуть науку любви, а пламенный и нежный Карим-аль-Малика должен превратить ее в лучшую рабыню халифа. Но, рискуя навлечь на себя гнев восточного владыки, учитель и ученица влюбляются друг в друга.

Содержание

Пролог	4
Часть 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Бертрис Смолл

Рабыня страсти

Роман

*Моей подруге Джэзел Уильямс Тэйлор, с любовью и восхищением,
от ее американской «кузины»
Бертрис Уильямс Смолл*

Пролог

Шотландия

929 год

Сорча Макдуфф отрывисто вскрикнула от боли. За стенами мрачной каменной башни зловеще выли декабрьские ветра, словно вторя ее страдальческим стонам. С новым приступом боли на лице ее появилась гримаса, похожая на мрачную усмешку. В башне было очень холодно – даже каменная кладка стен покрылась тончайшим слоем инея, хотя в камине и горел слабый огонь. Крошечное пламя металось на сквозняке – оно боролось за жизнь, взмывая искры, тут же улетающие в трубу. Но все втуне – в покоях ничуть не становилось теплее...

Однако нагая женщина, тело которой то и дело сводило судорогой боли, не ощущала ни ледяного ветра, дующего во все щели, ни холода, которым тянуло из-под двери. Она была поглощена другим – все тело ее и душа помогали появиться на свет ребенку. Это были первые ее роды, но новых не будет – если только она вновь не выйдет замуж. Она же не намеревалась делать этого. Муж ее, Торкиль Макдуфф, лаэрд Бен-Макдуи, вот уже три месяца как мертв. Злодейски убит. И не кем иным, как Элэсдейром Фергюсоном, лаэрдом Киллилоха, пытавшимся отспорить у него добрый кусок земли. И ее дитя – нет, дети, мысленно поправилась она (ведь повитуха говорила, что она должна родить двойню), непременно отомстят за кровь отца клану Макфергюс, уничтожат всех Фергюсонов из Киллилоха, сотрут саму память об этих вырождаках со страниц летописи их славного края... От мысли о возмездии в душе женщины все запело от торжества.

– Ты будешь отомщен, возлюбленный мой супруг и повелитель... – прошептала она.

Повитуха бесцеремонно вернула ее к действительности.

– Тужьтесь, леди! Да тужьтесь же! – повторяла старуха. Сорча Макдуфф напрягла все силы, а повитуха колдовала между ее раздвинутыми ногами, что-то бормоча и покрикивая на роженицу: – Еще! Еще!

Сорча боролась с мрачным, но удивительным мужеством. И вдруг она с удивлением ощутила, как скользкий комочек живой плоти выскользнул из ее влажного лона. Она сделала усилие, присела на ложе и всмотрелась. Повитуха схватила окровавленное тельце за крошечные щиколотки, приподняла тельце и шлепнула младенца по попке. Дитя тут же пронзительно закричало.

– Дай мне моего сына! – прорычала в исступлении Сорча Макдуфф. – Дай мне его! Сейчас же! – И она простерла руки.

– Но вы родили девчушку, леди... – Повитуха уже отирала кровь с новорожденной девочки, которая громко вопила. Затем, завернув дитя в полотняную пеленку, она протянула сверток матери.

Дочь? Об этом она даже подумать не могла! Но ведь второе дитя – это мальчик, в этом нет сомнения... Что ж, хорошо, что первенец – девочка... С двумя сыновьями было бы трудновато. Они проводили бы больше времени в борьбе друг с другом, нежели с Фергюсонами из Киллилоха. Нет, положительно, девочка – это хорошо... К тому же впоследствии ею можно будет воспользоваться, чтобы скрепить союз с каким-нибудь могущественным родом при помощи брачного договора. Сорча взглянула на дитя, покоящееся в ее объятиях.

– Груочь... – нежно произнесла она – Твое имя Груочь, детка. Это наше семейное имя.

Дитя таращило на мать глазенки удивительной голубизны. Малютка была прелестна, и еще эти светлые густые волосенки...

– Леди, вам предстоит родить еще и второго! – бесцеремонно прервала повитуха ее раздумья. – Вы чувствуете новые схватки?

– Да... – отрывисто отвечала Сорча Макдуфф. – Я чувствую новые боли, но это все пустяки! Я так рада, что у меня есть эта милая крошка...

– Не лучше ли нам с вами заняться ее братцем, леди? – рассердилась повитуха. – Ведь мальчик Макдуфф куда важнее для клана, нежели его сестричка, которую вы так нежно нянчите. А ну-ка, отдайте мне ее! Положу-ка я ее в колыбельку – ей там самое место.

Повитуха чуть ли не вырвала дитя у матери и положила малышку в резную колыбельку, стоящую у огня, чтобы Сорча смогла полностью отдаться рождению сына Макдуффа. Второе дитя появилось на свет куда быстрее – ведь первая малютка проложила ему путь. А явившись, оно нетерпеливо закричало.

– Дай мне мальчика! – возбужденно потребовала Сорча.

Повитуха стирала кровь с нежной кожицы, внимательно осматривая младенца. Потом печально покачала головой.

– Еще девочка... – Сорча побелела. А повитуха беззастенчиво продолжала: – Макдуфф из клана Бен-Макдуи умер, так и не произведя на свет наследника...

Горестно вздыхая, старуха запеленала вторую малышку, потом протянула ее Сорче Макдуфф, но та злобно сверкнула глазами и отшатнулась.

– Не хочу ее... И не хотела! – прошипела она. – Что проку мне от второй девчонки? Я хотела сына!

– Тогда пошлите жалобу в небесную канцелярию, леди! – зло парировала повитуха. – На свет Божий нынче появились две девочки, и с этим уже ничего нельзя поделать. Господь счел нужным подарить вам двух дочерей, леди. Обе они прелестные и здоровенькие. Не можете же вы отречься от них! Благодарите Господа! Многие бездетные женщины от зависти умерли бы...

– Я и не отрекаюсь... от моей драгоценной крошки Груочь, – отвечала Сорча Макдуфф, – но другая... другая лишь хомут на моей шее. Груочь теперь наследница всех имений Макдуфф, а вторая-то мне зачем? Мне нужен был сын!

– В страшные времена мы живем... и на земле, чьи законы и обычаи суровы, леди! – одернула ее повитуха. – Сейчас-то младенчики здоровенькие, а что, если одна из крошек захворает и умрет? Не будь у вас второй, некому было бы унаследовать имения Макдуфф... Вторая дочка послана вам Небом не зазря, леди, уж я так думаю. Так что лучше вам дать и ей имечко...

– Тогда пусть ее зовут Риган! – резко бросила разочарованная женщина.

– Но это же мальчишеское имя! – Повитуха была изумлена несказанно.

– Она должна была родиться мальчиком! – отрезала Сорча Макдуфф с каменным лицом. – Это ей за то, что она так горько разочаровала меня... – И Сорча вновь содрогнулась от боли, извергая послед.

Качая головой, повитуха положила Риган Макдуфф во вторую колыбельку у огня – в ожидании близнецов две люльки были заранее заготовлены. Затем она занялась хозяйкой. Но не успела она закончить обихаживать роженицу, как двери с треском распахнулись. В покои ворвались несколько вооруженных мужчин, легко преодолевших слабое сопротивление членов клана Макдуфф, охранявших башню. Повитуха взвизгнула, увидев зеленые клетчатые пледы – фамильные пледы клана Макфергюс – на плечах вошедших. Перепуганная старуха сжалась в комок подле хозяйки.

Высокий человек с ледяным взглядом сграбастал в охапку дрожащую женщину и отрывисто спросил:

– Где младенцы?

Повитуха от ужаса потеряла дар речи, но Элэсдейр Фергюсон – а это был он собственной персоной – проследил направление ее взгляда. Он устремил взгляд на две крошечные колыбельки у огня.

– Убейте их! – приказал он своим людям. – Не желаю, чтобы в будущем эти Макдуффы наложили лапу на мои земли!

Обнаженная и еще вся в крови, молодая мать силилась приподняться с ложа, а руки ее уже тянулись к кинжалу на поясе Элэсдейра – фамильной реликвии Макфергюсов. Но, даже не взглянув на женщину, он отбросил прочь ее руки.

– Ублюдок! – страшно закричала она.

– Но это девочки, милорд! – Повитуха наконец обрела дар речи. – Девочки ничем не могут вам угрожать!

– Девочки? Оба младенца – девочки? – В его взгляде сквозило недоверие. Потом ледяные глаза его устремились на нагую женщину, простертую на ложе. – Ну что? – насмешливо обратился он к Сорче. – Торкиль Макдуфф только и смог, что надеть тебе девок... Эх, Сорча... Я дал бы тебе сыновей – впрочем, ты еще мне их родишь! Ах ты, злобная шлюшка! Ну да я вырву тебе жало! Ты вскоре станешь моей – я неплох, особенно в сравнении с Макдуффом...

– Тебе что, мало было трех твоих жен, Макфергюс? – презрительно спросила она. – Я вышла за человека, которого всем сердцем любила. И пусть ты убил его – я все равно не жалею о своем выборе!

Она не сделала даже попытки прикрыть наготу – ни от него, ни от его воинов, которые, надо отдать им должное, смущенно отводили глаза.

– Я мог бы прихлопнуть твоих щенят, Сорча Макдуфф, – холодно произнес он и оглядел ее, прищурившись. Даже нагая, даже в крови, измученная родами – она все еще была удивительно хороша и желанна. И желание вновь проснулось в нем. Она отказала ему два года назад, как раз зимой, в декабре, и избрала себе в мужа его врага, Торкиля Справедливого из клана Макдуфф. Он и вправду был хорош собой: высокий, молодой, золотоволосый, с улыбкой, способной растопить даже каменное сердце... Ничего, злобно подумал Макфергюс, он далеко не так хорош сейчас, сейчас, когда над ним уже на славу потрудились могильные черви. Видела бы это вдова – она горько сожалела бы о том, что отвергла владельца Киллилоха! Ну а чтобы защитить своих щенят, она сделает все, чего он потребует. Материнский инстинкт возобладает над гордостью и отвращением к нему – он сделает ее своей! Два года назад он поклялся ей, что она еще пожалеет, что отвергла его, предпочтя ему Макдуффа. Теперь она принадлежит ему, и он воспользуется ею так, как посчитает нужным...

Элэсдейр Фергюсон выпустил наконец повитуху из своих железных рук и толкнул ее к колыбелькам.

– Распеленай их! Погляжу-ка я, правду ли вы тут мне говорите... Распеленай их, и поскорее, и положи этих сучек на живот их мамочки – так, чтобы я ясно видел обеих! Пошевеливайся, старая ведьма! Мне недосуг тут торчать!

Повитуха быстро принялась разворачивать пеленки. Потом она положила оба крохотных тельца на живот матери, которая задрожала от гнева и негодования.

– Вот они, милорд! – дрожащим голосом выговорила она. – Две маленькие крошки, это видно ясно...

Лаэрд Киллилоха уставился на детей. Потом пальцем ощупал гениталии девочек, ища осязаемого опровержения словам повитухи, но ничего не обнаружил. Оба младенца, вне всякого сомнения, были женского пола... Удовлетворенный, он хмыкнул – и тут ему в голову пришла мысль:

– Которая из них родилась первой?

– Вот эта, – указала повитуха на одну из девочек. – Ее зовут Груочь.

– А как ты это определила? Для меня обе они просто на одно лицо. Как ты их различаешь, старуха?

– У той, что появилась на свет первой, такие ясные, такие ярко-синие глаза, милорд... Поглядите сами. А у второй, милорд, глазки хоть пока и голубые, но, похоже, со временем изменят цвет. А вот у первой не так. У нее они так и останутся синими. Теперь вы сами видите, правда?

Он тупо уставился на детей.

– Да, – сказал он нетерпеливо, так и не увидев разницы между двумя новорожденными девочками. – Запеленай их теперь и положи обратно в колыбели. – Потом он повернулся к женщине. Она была бледна, но не сломлена. – Я дарю жизнь твоим детям, Сорча Макдуфф. Старуха оказалась права. Девочки не представляют опасности ни для меня, ни для моих земель и добра. Но твоя дочка-первенец, Груочь – или как ее там? – должна стать невестой Йэна, моего старшего. Вражда между нашими кланами в прошлом, Сорча, а при помощи этого брака я присоединю к угодиям клана Макфергюс спорные земельные участки. И покончим все разом.

Сорча лишь сверкнула глазами. Она знала, что выбора у нее нет. Он отдаст ее милую Груочь на потребу своему выродку, что бы она ни сказала. О, как в этот момент ненавидела она Элэсдейра Фергюсона – всем своим существом! Но она была бессильна. Приходилось соглашаться на предложенные им условия. Она была умна и сквозь пелену ненависти, заставлявшую разум, все же видела преимущества вырисовывающегося положения вещей. Более могущественный клан Макфергюс с момента подписания и скрепления печатью соглашения о помолвке будет считать земли клана Бен-Макдуи своими. А охранять эти земли будут воины побежденного клана Макдуфф. Ее возлюбленная Груочь будет подрастать в мире и покое. А у нее самой будет время тщательно обдумать и выносить план мести Фергюсонам из Киллилоха, рассуждала она хитро. Они умертвили ее Торкиля. Теперь лишили ее земли. Но настанет день, когда они дорогой ценой за все, за все заплатят...

– А что, если Груочь умрет? Дети ведь такие слабые создания... – рассудительно сказала она.

– У тебя ведь две дочери. Ну а если мой наследник Йэн умрет от какой-нибудь детской немощи, то у меня еще полдюжины сыновей подрастает... Если же умрут обе твои дочери, то земли Макдуфф все равно перейдут ко мне – в качестве компенсации. Но тебе самой нечего опасаться, Сорча Макдуфф, – я не причиню вреда твоим крошкам. Лучше дружба, чем вражда. А теперь нас еще объединят и кровные узы. И между нашими кланами воцарится мир. Ну а потом я займусь твоими родичами Робертсонами... – поддразнил он ее.

– А что станется с моей второй девочкой?

– Она отправится в монастырь, – твердо отвечал Макфергюс. – Не хочу, чтобы какой-нибудь клан, заполучив ее в жены для своего отпрыска, потребовал бы за ней в приданое часть этих земель. Но в монастырь она попадет не раньше, чем Груочь будет обвенчана с Йэном и переспит с ним, Сорча Макдуфф! Если Господь призовет к себе первую девочку, у нас в запасе остается вторая...

Заметив, как она содрогнулась, Элэсдейр Фергюсон снял с плеч плед и накрыл им обнаженное тело Сорчи.

– Я приведу священника, и он все устроит. Тебя известят, когда будут готовы бумаги. Теперь ты и твои девочки под моей защитой, Сорча Макдуфф. Тебе больше нечего опасаться.

С этими словами он кивком приказал своим воинам следовать за ним. Макфергюсы удалились.

Как только дверь за ними захлопнулась, Сорча, пошатываясь, поднялась с ложа. Неверными шагами она пересекла комнату, яростно сорвала со своих плеч плед в зеленую и синюю клетку с тонкими красными и белыми полосками и швырнула его в огонь.

– Принеси мне воды, старуха! – зарычала она на повитуху. – Скорее! Скорее! Хочу смыть с себя это зловоние Фергюсонов!

Повитуха поспешила выполнить приказание госпожи – она быстро принесла ведро воды, зачерпнув из котла, висевшего над очагом. Потом побежала за чистым полотенцем.

– Вот... – Она боялась поднять глаза на госпожу.

Сорча Макдуфф яростно терла свое тело. В голове у нее роились самые мрачные мысли. Она еще не знала, как отомстит Фергюсону и всему этому проклятому роду, – она знала лишь, что непременно сделает это! Этот Макфергюс оказался настолько глуп, что дал ей вполне достаточно времени, чтобы обдумать коварный план. Он оказался настолько самоуверен, что решил, будто все и впрямь улажено! Нет, ничего не улажено, и не будет улажено до тех пор, пока она не отомстит за смерть возлюбленного своего Торкиля и за то, что ее с детьми оставили нищей! Стяг Фергюсонов никогда не взовьется над башнями замка Макдуфф! Да, она позволит им защищать и оберегать себя и младенцев, но в конце концов найдет способ рассчитаться с Элэсдейром Фергюсоном и его кланом... Вдруг она почувствовала приступ слабости и пошатнулась.

– Леди, вам надобно лечь в постель! – Повитуха поспешила ей на помощь. – Вам еще нужно много сил, чтобы выкормить этих прелестных малюток. Думаю, скоро они уже во весь голос объявят, что голодны...

– Я не могу выкармливать обеих, – сказала Сорча. – Найди кого-нибудь для Риган. Пусть она возьмет малютку к себе, и как можно скорее...

Молодая мать в изнеможении растянулась на ложе. На том самом ложе, где спали они с мужем. Теперь место его пусто, с горечью подумала она, натягивая на себя полость из лисьего меха.

Повитуха неодобрительно поджала губы:

– Не понимаю, почему это вы решили, что не можете выкормить обеих дочек, сударыня? Вы молодая и сильная женщина, и по вашим грудям видно, что они уже полны молока. Поверьте моему опыту, для двоих там более чем достаточно...

– Молоко мое только для Груочь, старая ведьма! – раздраженно отрезала Сорча. – А для другой найди кормилицу! – И она отвернулась лицом к стене.

Неодобрительно покачивая головой, повитуха подошла к двум колыбелькам и посмотрела на детишек – они безмятежно спали, не ведая о том, какая судьба им уготована: одной предстояло стать невестой Фергюсона, заклятого врага Макдуффов из клана Бен-Макдуи, а другой – навечно быть заточенной в монастырь, захочет она того или нет... Богатая невеста и монашка... Повитуха мрачно усмехнулась, потом потихонечку выскользнула из комнаты, притворив за собой дверь.

Часть 1

Шотландия

943 год

В небольшом зале замка Бен-Макдуи плавал голубоватый дымок – тяга в трубе была никуда не годная. Сорча Макдуфф сидела в высоком кресле, озирая свое многочисленное потомство. Детишки копошились по всей комнате. Шесть маленьких выродков – и седьмой уже шевелится в ее плодоносном чреве. Первые пятеро были мальчики, а шестой по счету родилась дочь. Сорча не испытывала к ним ни малейшей нежности. Они все были Фергюсонами. Вся материнская любовь, на которую только было способно ее сердце, была безраздельно отдана Груочь Макдуфф, ее старшей... Для ее сестры-близнеца Риган в ее сердце не оставалось места. Пожалуй, ей она могла подарить лишь жалкое подобие того, что испытывала к Груочь. Риган, когда подросла, стала необыкновенно походить на отца, блаженной памяти Торкиля... Девочка унаследовала его бесстрашие и отвагу и была смела порой до безрассудства. Видя это, Сорча не могла не радоваться...

Весной того же года, когда две ее дочери появились на свет, Элэсдейр Фергюсон вернулся в замок Бен-Макдуи. Брачные контракты, подготовленные Фергюсонами, были подписаны в присутствии священника. Впрочем, она все равно не смогла бы проверить, вправду ли там написано то, о чем ей было объявлено, – ведь Сорча не умела ни читать, ни писать. Священник сказал, что Груочь станет женой Йэна Фергюсона, как только достигнет женской зрелости, то есть лет в тринадцать. Тогда же Риган отправится в отдаленный монастырь на западном побережье Шотландии, чтобы посвятить свою жизнь Господу. Дело было улажено, Макфергюс отправил священника восвояси и тотчас же изнасиловал вдову Макдуфф. Он заперся с ней в спальне на целых три дня, не давая ей продыху. А девять месяцев спустя она родила ему сына.

В последующие годы Элэсдейр Фергюсон регулярно посещал свою наложницу, о чем свидетельствовало ее растущее потомство, но не женился на ней. Да она и не пошла бы за него, даже если бы он попросил... Три раза кряду Сорча Макдуфф тайно ходила к старой колдунье в лесистую долину и, щедро заплатив, пила отвратительное зелье... Так она избавилась от трех плодов похоти своего насильника. Когда же он узнал об этом, то разыскал ведьму, повесил ее на дереве, сжег ее хижину, а потом возвратился в замок Бен-Макдуи и избил Сорчу Макдуфф до полусмерти – бедная женщина неделю не могла потом подняться с постели. После этого она, не ропща, рожала ему детей, но любить их было не в ее силах. Они все были Фергюсонами.

...Она услышала звук охотничьего рога, а вскоре двери распахнулись, пропуская Элэсдейра Фергюсона, сопровождаемого двумя его старшими сыновьями, Йэном и Келлачем. Сорча Макдуфф медленно приподнялась – она была уже на сносях и двигалась с трудом.

– Милорд... – тихо приветствовала она Элэсдейра. Потом отдала приказ слугам принести мужчинам еды.

– Я подстрелил оленя и привез его тебе, – сказал Элэсдейр, в свою очередь, приветствуя ее.

Потом властно, как собственник, поцеловал ее в губы и уселся в высокое кресло. Слуги стремглав кинулись на кухню и вскоре прибежали оттуда, неся вино, мясо и хлеб, – они знали, что хозяин терпеть не может ждать.

Йэн и Келлач Фергюсоны не озаботились тем, чтобы приветствовать хозяйку, – они тут же плюхнулись на стулья и принялись обедать. Элэсдейр отвесил подзатыльник тому, кто сидел ближе к нему, – не посчастливилось на этот раз Келлачу.

– Неужели вы настолько неотесанны, что не считаете нужным приветствовать леди Сорчу, прежде чем начать уплетать ее угощение? – зарычал Элэсдейр. – Вы находитесь в ее доме, сидите за ее столом, вы, щенки!

– Все это собственность Фергюсонов, – уверенно произнес Келлач, потирая шею, на которой отпечаталась красная пятерня.

С яростным рычанием старший Макфергюс вскочил на ноги, и вот уже второй его сын покатился по полу.

– Эти земли стали собственностью Фергюсонов лишь потому, что я этого пожелал! – заорал он. – Но прежде они принадлежали Макдуффам. И не важно, чьи это земли, чей это замок, – здесь дом этой леди! И потрудитесь следить за своими манерами – равно как в моем присутствии, так и тогда, когда меня тут нет! – Он снова стукнул сына. – А ну-ка вставай и отправляйся обедать на кухню – там самое место для таких ублюдков, как ты!

Келлач хмуро поднялся на ноги:

– Не понимаю, почему ты не отдаешь Груочь в жены мне! Тогда у меня были бы свои собственные земли...

– Держи карман шире! – оборвал его отец. – Стоит тебе заполучить их – и ты тут же начнешь зариться на мои, ты, маленький алчный негодяй!

Он снова занес руку для удара, но на сей раз юноша увернулся и выбежал из зала. Когда же отец повернулся к старшему, тот был уже на ногах и, кланяясь, благодарил Сорчу Макдуфф за гостеприимство.

Вновь усаживаясь за стол, Йэн спросил:

– А как чувствуют себя дети, леди? Все они выглядят прекрасно. А моя сестренка Сайн день ото дня становится все более хорошенькой. Ну, мне так кажется... Так хорошо иметь сестричку! – Он взял с блюда кусок мяса и вонзил в него белые зубы.

– Отпрыски твоего отца благоденствуют, – любезно отвечала Сорча Макдуфф. – Как и все мои дети, хвала Небу.

– Кстати, о моей дочурке, – сказал Элэсдейр Фергюсон. – Хочу забрать ее с собой. В доме ведь нет ни одной женщины, кроме служанок. А Сайн по крови Фергюсон, единственная моя дочь. Самое время ей становиться в доме хозяйкой. И это не в упрек прочим детям – ведь я всех их признал своими...

– Что ж, забирайте ее, – согласилась Сорча Макдуфф. – Забирайте хоть всех своих детишек, милорд! Они ничего для меня не значат. У меня ведь есть моя Груочь.

Услышав это, он покачал головой:

– Ах, Сорча Макдуфф, жестокосердая мать! Ну что ж, хорошо, я заберу Дональда, Эйда и Гирика. Они уже достаточно выросли, чтобы оторваться от материнской юбки. А с тобой пока останутся младшие – Индульф, Кулен, ну и тот, который вскоре родится. – Он залпом осушил кубок, и слуга, стоящий за его спиной, торопливо вновь его наполнил. – Но приехал я как раз из-за Груочь, о ней я хотел поговорить, Сорча. Наверняка у нее уже наступила пора девичьей зрелости. В декабре она отпраздновала свой тринадцатый день рождения, а сейчас уже апрель. Пора заключить брак. Йэну уже двадцать три – он более чем созрел для женитьбы. Он всю округу уже наводнил своими ублюдками, мадам. Всех окрестных девушек перепортил. Ему необходима жена!

– Так вы забираете мою птичку? Так скоро! – Сорча всхлипывала весьма натурально. – Не увозите ее, милорд! Повремените!

– Во имя всех святых, женщина! – зло воскликнул Элэсдейр. Он не выносил вида женских слез. – Да она никуда от тебя не денется! Они с Йэном какое-то время проживут здесь, в замке Макдуи. Ты должна быть с ней, когда она через девять месяцев после венчания будет рожать первенца. У меня никогда не было дочерей, и опыта никакого, но кое-что я знаю – девицам в таких случаях необходима мамочка. Прекрати выть, Сорча, и отвечай мне! У Груочь крови уже показываются регулярно? Или нет?

– Только... впервые... в этом месяце... – тихо произнесла Сорча, хотя и с Груочь, и с ее сестрой это случилось еще осенью. Они держали это в строжайшей тайне, дабы выиграть время, но сейчас это уже не помогло бы, думала Сорча. Теперь пора было мстить, после всех этих долгих, мучительных, томительных лет...

– Тогда пора их обвенчать! – радостно воскликнул Элэсдейр Макфергюс. – Именно этого я ждал все эти годы, женщина, понимаешь?

– Но вы не можете их венчать лишь потому, что вам приспичило, – скромно потупила глаза Сорча. – Необходимо тщательно подготовиться, милорд.

– У тебя было целых тринадцать лет, чтобы подготовиться, Сорча Макдуфф, – возразил неумолимый Элэсдейр. – Нынче у нас двенадцатое апреля. Наши дети будут обвенчаны в течение недели. – Он повернулся к сыну: – Йэн! Что ты об этом думаешь? Наконец-то ты станешь женатым человеком, всего через пару дней! Девчонка выросла прехорошенькая! Ты везунчик, парень!

– Да, папа, – с готовностью отвечал Йэн Фергюсон. Он и сам был привлекателен: каштановые кудри, синие глаза...

– А где Груочь? – Взгляд Элэсдейра Фергюсона блуждал по залу, но никого, кроме малышни, тут не было.

Сорча пожала плечами.

– На дворе весна... – сказала она, словно пытаясь объяснить отсутствие дочери.

– Дональд Фергюсон! – позвал Макфергюс старшего сына. – Ко мне, мальчуган!

Мальчик, который в это время доблестно сражался с братьями Эйдом и Гириком, вскочил на ноги и с готовностью подбежал к отцу. Как и у всех сыновей Элэсдейра Макфергюса, волосы у него были каштановые.

– Да, пап?

– Ты, Дональд, и еще двое старших сегодня поедут со мной домой, – сказал Элэсдейр. – Доволен?

Лицо мальчика просияло.

– Да, пап!

– Не знаешь, где твоя сестрица Груочь? – продолжал Макфергюс. – Я хочу побеседовать с ней.

– Да, папа, я знаю, где Груочь. – Дональд исподтишка глянул на мать – ее грозный взгляд приказывал молчать. – Привести ее, а, пап?

– Да, мальчик, пойд и приведи.

Когда Дональд убежал, Элэсдейр повернулся к Сорче Макдуфф:

– Хороший получился парень, женщина. Ты неплохо справляешься с их воспитанием, хотя и не питаешь любви ни к одному из моих отпрысков. По-моему, ты просто глупа...

– Думайте обо мне что хотите, милорд, – отвечала она спокойно. – С того самого момента, как я впервые увидела малютку Груочь, она стала единственным смыслом моей жизни. Мне никто больше не был нужен. И теперь никто не нужен, кроме нее.

Он лишь покачал головой. Макфергюс сам был жесток – но ведь любил же он всех своих детей! И сильно! Как она могла жить без этой любви? Все они – его плоть и кровь. Да,

отныне всех детей, которых еще родит ему Сорча, надо будет отправлять к нему в дом, как только их отнимут от материнской груди... Индульф, которому два с половиной, и годовалый Кулен все еще пьют материнское молоко, но и их нужно забрать у нее как можно скорее. Он теперь понимал, что старших следовало бы увезти уже три года назад. У их матери сердце из камня. Он мельком вспомнил о Риган Макдуфф. Бедняжка, у нее ведь никого нет... В сердце ее матери безраздельно царит Груочь. Да, Риган куда лучше будет в монастыре... Ведь аббатисой там его двоюродная сестра Уна. Риган найдет ласку и приют в стенах аббатства Святой Майры.

Юный Дональд Фергюсон выбежал из замка и стремглав понесся вверх по склону холма, распугивая мирно пасущихся овец. К своему удивлению, он обнаружил сразу обеих сестер-близнецов, причем в компании Джеми Макдуффа, что Дональда, впрочем, ничуть не изумило.

– Груочь! – позвал он. – В зале замка старший Макфергюс, он желает тебя видеть! Я пришел за тобой. Тебя выдадут замуж на этой неделе, сестричка! И братец Йэн сгорает от нетерпения: хочет увидеть свою невесту! – Дональд ухмыльнулся.

Груочь Макдуфф нехотя отвлеклась от душевной беседы с молодым человеком.

– Не говори со мной в таком тоне, щенок! – одернула она Дональда. Потом спросила: – А когда порешили со свадьбой?

– Да только что, – отвечал мальчик. – Отец спросил эту волчицу... ну, нашу мать, началось ли у тебя это... женское... Она сказала, что только в этом месяце, но я-то знаю, что это враки! – Он снова издевательски ухмыльнулся.

Груочь побледнела.

– Ты не сможешь этого доказать! – тихо сказала она.

– А если ты расскажешь об этом отцу, – прервала ее Риган, – то живым не доедешь до усадьбы Макфергюс! Это я тебе обещаю, слышишь? – Она ласково улыбалась братцу, но пальчики ее нетерпеливо постукивали по шотландскому кинжалу, висевшему у нее на поясе. – Подумай хорошенько, щенок, прежде чем распускать язык!

– Вы в точности такие же, как ваша мать, жестокие... – мрачно заключил Дональд и медленно поплелся назад.

– Говорят, что я пошла в отца, Торкиля Макдуффа! – смеясь, крикнула ему вдогонку Риган.

– Неужели ты и впрямь ничего не боишься? – спросила Груочь сестру. – Не думаю, чтобы ты стала хорошей монашкой, моя Риган!

– Не имею никакого желания становиться монашкой, но придется, – пожала плечами сестра. – Мне ведь одна дорога – в монастырь...

– Но ты можешь найти себе мужчину, родить от него ребенка, – заговорил Джеми Макдуфф.

– А потом спастись с младенцем от погони, быть настигнутой и убитой, потому что я – прямая наследница земель клана Бен-Макдуи? Благодарю тебя, Джеми Макдуфф, за такое предложение, но, боюсь, оно никуда не годится. Макфергюс – человек безудержный и яростный, и такого врага лучше не иметь – так говорил отец.

– А если бы ты поменялась местами с Груочь – ну, выдала бы себя за нее, – ты стала бы невестой Йэна Макфергюса. О, Риган, если бы ты на это согласилась, мы с Груочь могли бы бежать на другой край Альбы, или в Дальдриаду, или в Стретчклайд и начать новую жизнь вдали от Фергюсонов. – Его брови решительно насупились.

Груочь разгневалась.

– Мог бы вначале хотя бы спросить, прежде чем за меня решать, как мне жить! – резко ответила она, а Риган попыталась скрыть улыбку. – Ведь наследница земель Бен-Макдуи – я, а вовсе не Риган!

– Так ты не хочешь венчаться со мной, Груочь? – Слова девушки поразили Джеми Макдуффа в самое сердце.

– Я помолвлена с другим, Джеми Макдуфф, и кроме того, как ты собираешься обеспечивать меня и детей, которые у нас появятся? Ты ведь не лорд!

– Макфергюс рассердится, что тебя нет так долго, – напомнила Риган сестре. – Пойдем, нам пора. – Она взглянула на упавшего духом юношу. – Ты дурак, Джеми Макдуфф, – сказала она ему. Потом взяла Груочь за руку и решительно повела ее в сторону замка. – Зачем ты позволила ему столь серьезно тобой увлечься? – с упреком спросила Риган сестру.

Но Груочь лишь молча пожала плечами. Риган поняла, что из сестры больше ни слова не вытянешь, если она сама не сообразит заговорить. Груочь, столь любимая матерью, была сущей копией Сорчи Макдуфф – она, как и мать, была себе на уме. К тому же она пылала жадной мести, стремясь рассчитаться с теми, кто, как она считала, причинил ей зло. Но поскольку между близнецами всегда существует тесная, почти мистическая связь, Риган за внешней твердостью Груочь угадывала уязвимость и нежность. Возможно, поэтому она с детства бросалась на защиту сестры, приглядывала за ней. «Кто защитит Груочь, когда меня не будет?» – думала Риган.

– Как я выгляжу? – спросила Груочь у ворот замка. Она стряхнула воображаемую пыль со своего шерстяного платья и пригладила светлые волосы.

– Посмотришься в зеркальце! – хмыкнула Риган и встала прямо перед сестрой. Груочь звонко рассмеялась – это была их неизменная шутка.

Они, как и в раннем детстве, были копией друг друга – и лицом, и фигурой. С одной лишь небольшой разницей. Глаза Груочь были словно капельки яркой, незамутненной небесной лазури. В очах же Риган, аквамариновых, сверкали яркие золотые искры. Посторонним крайне редко удавалось их различить – все обычно бывали так очарованы красотой девочек, что не глядели пристально им в глаза. Они видели лишь точеные черты девичьих лиц да золотые волосы, мягкие и нежные, словно драгоценный шелк. Мало кому приходилось видеть в здешних местах столь светлые волосы...

Они рука об руку вошли в зал, сердечно приветствовали мать и вежливо – гостей. Затем застыли в ожидании против высоких кресел.

– Хоть и знаю их вот уже тринадцать лет, а все не научился различать! – проворчал Макфергюс. – Груочь, подойди сюда!

Девушка застенчиво подошла и поцеловала шершавую грубую щеку:

– Милорд...

Он притянул ее к себе, посадил на колени и ущипнул за щеку:

– Ты удивительная милашка! Ты нарождаешь мне кучу внуков – Фергюсонов, которые потом унаследуют мои земли, правда, Груочь?

Груочь покраснела до ушей и хихикнула:

– Дональд говорит, что вы уже условились о дне венчания. Это правда?

– Да, – согласно кивнул Элэсдейр. – Через семь дней, красавица, ты обвенчаешься с моим Йэном, станешь его законной женой. Это давным-давно решено.

– Не отсылайте Риган в монастырь, милорд! – вдруг вырвалось у Груочь. – Мы всегда были неразлучны. Не представляю себе жизни без нее...

– Да у тебя просто времени не будет для Риган, душка! – уверил девушку Элэсдейр Фергюсон. – Ты всецело будешь занята продолжением рода Фергюсонов – учти, мне нужны и девочки, и мальчики... Ты не будешь скучать по сестре.

– Нет, буду! – заупрямилась Груочь.

В ее синих глазах была и злость, и грусть. Ах, как хотела она выказать неповиновение, но, будучи еще слишком юной, не представляла вполне, как это сделать...

Стоя неподалеку, Риган все слышала и была глубоко тронута мольбой сестры. Невзирая на то что мать всегда открыто оказывала предпочтение Груочь, сестры были удивительно близки. Груочь никогда не могла заставить себя смириться с той атмосферой всеобщего пренебрежения, в которой подрастала ее сестричка. Над Груочь все вечно тряслись, с ней всегда нянчились, баловали ее... А о Риган вспоминали лишь в последнюю очередь. И вот даже теперь ее никто словно не замечает, будто ее здесь и нет. С едва слышным вздохом Риган выскользнула из зала. О ней никто не будет скучать – это она знала наверняка. В центре всеобщего внимания была Груочь, впрочем, как и всегда...

Макфергюс вдруг столкнул Груочь с колен.

– Пойди и поцелуй своего нареченного. Один невинный поцелуй, девочка! – приказал он.

– О-о-ох, нет! – Девушка спряталась за спинку кресла матери. – Это грешно... ну, пока мы не обвенчаны. Этому всегда меня учила мама, милорд. Да и мужчина ни за что не станет уважать женщину, которая себе позволяет... ну, открыто выражает свои чувства...

Йэн Фергюсон ухмыльнулся. Она была девственницей, это несомненно, а уничтожать девственность ему было весьма по вкусу. Каждая девица в своем роде... Некоторым сразу нужна пылкая страсть. Другие стеснительны, но, будучи терпеливым, и с ними можно договориться. А больше всего любил он таких, которые сопротивлялись... Он сам не мог этого объяснить, но ему доставляло острейшее удовольствие подчинять девушку своей воле, своей силе. В конце концов все оставались довольны. Он с любопытством изучал Груочь. Он пока не понимал, можно ли будет ее уговорить, или же придется действовать при помощи грубой силы. Но в любом случае он лишит ее девственности всего через каких-нибудь семь дней. Она будет ему женой и, разумеется, ему не откажет...

Позднее, когда Фергюсоны отбыли из замка Бен-Макдуи, Груочь осталась наедине с матерью. Сорча сказала своей старшей дочери:

– Нынче все удалось на славу, дорогая моя! Я видела: Макфергюс тобой весьма доволен. О, Иисусе! – Она принялась поглаживать свой вздутый живот. – Молю Небо, чтобы этот щенок был последним из тех, которых меня насильно заставляют носить и рожать!

– А ты видела, как Йэн на меня смотрел? – тихо спросила Груочь. – Мне уже говорили, что он больше всего любит, когда девушка ему сопротивляется. Он светел лицом, но черен душой...

– О, ты моя дочь, Груочь! Ты приручишь этого дикого звереныша, моя девочка, – заверила ее Сорча. – Как только он узнает, что вскоре станет отцом, то на руках тебя станет носить. И будущий дедушка тоже... – Сорча вдруг беспокойно задвигалась и стала сыпать проклятиями: – Небо и ад! Отходят воды! Снова начинается эта мука...

– Дайка я помогу тебе, мама! – И Груочь с помощью служанки отвела Сорчу Макдуфф в ее спальню и уложила на заранее подготовленное ложе. – Позови старуху Бриди и разыщи мою сестру! – приказала Груочь служанке.

Сорча застонала – первые схватки оказались чересчур сильными.

– Как ты назовешь этого? – спросила Груочь у матери, надеясь отвлечь ее от страданий.

– Малькольм, в честь нового короля, – процедила Сорча сквозь стиснутые зубы. – А если это девка, то пусть будет Майра. А-ах, Иисусе! Как мне больно!

Старая повитуха Бриди, к тому времени уже подоспевшая, резко оборвала роженицу:

– Прекратите скулить, Сорча Макдуфф. Это ваши восьмые роды и девятое дитя. Вы вовсе не зеленая первородка!

– Ах ты, проклятая ведьма! – взорвалась Сорча. – Ты стара как пень и просто не помнишь, как это больно – рожать! О-о-о-ох!!! Будь проклят Элэсдейр Фергюсон, грязный похотливый козел! О Господи, низвергни его в преисподнюю вместе со всеми потомками до восьмого колена! А-а-а!

– Не могу понять, что влечет Макфергюса к ней в постель... – сказала повитуха, ни к кому не обращаясь. – Будто не мог подыскать себе помоложе и покрасивее, чем ваша мамочка. В двадцать девять лет уже поздновато рожать!

Груочь и Риган переглянулись и тихонько хмыкнули. Они были согласны со старухой Бриди. Но Макфергюс, похоже, не мог устоять перед Сорчей Макдуфф, невзирая на ее злобность и острый язычок. И хотя сестры-близнецы никому бы под страхом смерти в этом не признались, они слышали, как их мать кричит от наслаждения и распялет своего врага-любownika разными словечками, когда оказывается с ним в постели. Под эти крики девочки, в сущности, и выросли...

Сорча Макдуфф обычно рожала довольно легко, но на этот раз все обернулось иначе. Шли часы, а дело не двигалось. И вот наконец на закате второго дня мучений она родила здорового сына. Но это был воистину гигантский ребенок! Даже повитуха сказала, что ей не приходилось видеть подобных великанов. Он появился на свет Божий с красным от натуги личиком и злобным криком, его кулачки сжимались и разжимались, словно в бессильной ярости. На головке младенца топорщился пучок волос морковного цвета.

Старая Бриди положила младенца на живот матери, аккуратно, как всегда, обрезала пуповину, тщательно перевязала ее.

– Бравый вояка, леди! Вы щедро вознаграждены за ваши муки.

Сорча скосила глаза на вопящего мальчишку. Еще один Фергюсон, подумала она устало. Еще один проклятый Фергюсон! О Иисусе, как же она устала... Со вздохом облегчения она закрыла глаза, уже почти не чувствуя последних схваток и того, как послед выскользнул из ее истерзанного лона...

Повитуха захлопотала вокруг нее с крайне озабоченным видом. Когда Сорчу обмыли и уложили как следует в постель, а яростного Малькольма обтерли, запеленали и поместили в колыбельку, старуха поманила сестер. Они все вместе вышли из спальни Сорчи на лестницу.

– Ох, не нравится мне, как выглядит ваша мать! – сказала она им напрямик. – Такое я не раз уже видела. Думаю, она умрет. Она уже стара для столь тяжких родов. Лучше поскорее сообщить Макфергюсу.

– Но ведь я должна выйти замуж через пять дней! – запротестовала Груочь.

– Может, она и проживет столько, – сказала Бриди, – а может, и нет... Будь я на вашем месте и желая, чтобы моя мать увидела меня в подвенечном уборе, то поспешила бы со свадьбой! – И повитуха зашлепала вниз по лестнице с сознанием исполненного долга.

– Она не может умереть! – прошептала Груочь одними губами. – Только не теперь! Не теперь, когда вот-вот совершится наша месть всему клану Фергюсонов!

– Что ты там бормочешь? – спросила смущенная Риган. Она никогда прежде не видела Груочь такой напряженной, решительной, так похожей на Сорчу.

– Я не могу тебе этого сказать, – отвечала Груочь. – Только мама может все тебе открыть. Эта проклятая старуха лжет! Никогда не позволю ей принимать у меня роды!

– Но Бриди нет никакого резона лгать нам, – спокойно возразила Риган.

Груочь взяла сестру за руку, и они вместе вошли в спальню матери.

– Мама сначала должна отдохнуть. А потом она тебе обо всем расскажет. Нужно подождать, пока она проснется. Мы должны быть с ней, когда она пробудится, и первыми, кто с ней заговорит.

– А разве нам не следует известить Макфергюса? Бриди советовала... – запинаясь, произнесла Риган. – Он будет страшно зол на нас, если что-нибудь произойдет в его отсутствие. Давай-ка я пойду в зал, разыщу какого-нибудь слугу и пошлю весточку...

– Нет! – воскликнула Груочь с такой непоколебимой решительностью, что Риган несказанно изумилась. – Если ты теперь пошлешь за ним, он тотчас же явится. У нас не будет времени переговорить с матерью с глазу на глаз, а это просто необходимо!

Сестры пододвинули маленькую скамеечку к постели матери и молча сели. Внизу, в зале, было совершенно тихо. Дональд и еще трое старших детей Фергюсонов уехали с отцом и сводными братьями в замок Макфергюс. Двое младших были под присмотром няnek в детской. Из колыбели, в которой лежал новорожденный, изредка доносилось недовольное попискивание. А мать их лежала бледная и недвижная. Словно мертвая... Сестры сидели тихо в ожидании, и вдруг голубые глаза Сорчи Макдуфф раскрылись и устремились прямо на дочерей.

– Я умираю, – спокойно произнесла она.

– Да, – честно отвечала Груочь. – Так сказала и эта гадкая повитуха.

– Ты должна венчаться с Йэном Фергюсоном завтра, – медленно выговорила Сорча.

– Да, и Риган надо тотчас же посвятить в наш план мести за отца! Она должна узнать, какая ей отводится роль. Нельзя терять ни минуты, мам. Как ты?

– Я слаба, но доживу до твоей свадьбы и до того момента, как мой возлюбленный Торкиль будет отмщен! – страстно ответила Сорча. Потом улыбнулась своей любимице Груочь: – Расскажи Риган...

– У меня дитя под сердцем, – тихо сказала Груочь.

– Иисусе! А я и не знала, что ты и Йэн... ну, ты всегда так стеснялась его... Какая же ты скрытная, Груочь! Я в жизни бы не догадалась. А он знает?

– Йэн тут вовсе ни при чем, моя Риган. В моем чреве дитя Джеми Макдуффа.

– О-о-о, Груочь! – Глаза Риган широко раскрылись.

– Думаешь, я позволила бы, чтобы Фергюсон унаследовал земли Макдуфф? – зарычала Сорча. – И ты в это поверила, простушка Риган Макдуфф? Никогда! Все унаследует только Макдуфф – и он получит не только земли клана Макдуфф, но и все уголья Фергюсонов! А самое хитрое знаешь что? То, что Фергюсоны никогда об этом не узнают! Они будут свято верить в то, что дитя, которое родит через несколько месяцев моя Груочь, – их крови! А когда этот дьявол Элэсдейр Фергюсон будет испускать дух, Груочь склонится над ним и поведает ему на ухо нашу тайну. И он низвергнется в пучины ада, узнав обо всем, и будет не в силах ничего поделать! – Сорча расхохоталась, но смех сменился судорожным кашлем.

Груочь побежала, чтобы принести матери чашу крепкого вина, но Риган словно приковало к месту – настолько она была поражена услышанным. Так вот какую месть выдумала ее мать! Да, возмездие будет незримым, но сокрушительным для Фергюсонов. И дело потребует ангельского терпения. Риган поняла, что мать в отчаянии от того, что не сможет увидеть, как воплотится в жизнь столь тщательно продуманный ею план. И тут ее пронзила мысль...

– А что, если Йэн Фергюсон поймет в первую брачную ночь, что Груочь не девственница? – спросила она. Сорча давным-давно во всех подробностях объяснила дочерям, что и как происходит между мужчинами и женщинами. Хотя Риган недоумевала, зачем ей-то все это знать – ведь ей с рождения уготована была участь монахини...

Груочь обняла мать за плечи, приподняла ее и помогла напиться. Когда Сорча утолила жажду, кашель прекратился, и она сказала:

– Йэн Фергюсон получит в первую брачную ночь девственницу Риган. Ты займешь место сестры, хотя Йэн об этом и не будет знать.

– Ты не можешь обращаться ко мне с такой просьбой! – выкрикнула Риган. – Я ведь буду монахиней. Я должна прибыть в обитель Святой Майры невинной. Как я могу клясться перед Господом в невинности после... после этого, леди? Да, правда, я не хочу себе такой судьбы – но ведь выбора у меня нет! И вы... вы обесчестите меня еще до того, как я покину замок Бен-Макдуи?

– Обесчестим? Так ты заговорила о чести? – насмешливо спросила Сорча Макдуфф. – Фергюсоны обесчестили клан Макдуфф еще до твоего появления на свет! Да они перерезали множество достойных людей, убили твоего отца, обуреваемые жадностью до новых угодий!

Я никогда не говорила тебе, как умер твой отец. Но теперь... Он мертв, и ничто не возвратит нам его. Но я думаю, что теперь тебе следует знать все, Риган Макдуфф, тебе, которая так на него похожа. Макфергюс подстерег отца и его людей, когда они возвращались с ярмарки, где продавали скот. Твой отец был последним, кто остался в живых, последним! Макфергюс со своими бандитами привез тело моего Торкиля мне – это было последнее оскорбление... Они вырезали буквы «Ф» у него на щеках и на лбу. Но все равно он был самым красивым из всех, кого я знала! И это еще не все... Потом Элэсдейр Фергюсон вручил мне ларец. В нем я нашла три окровавленных куска плоти – мужское достоинство моего мужа. Этот выродок своими руками кастрировал вашего отца! Удивительно, как это у меня, беременной, тогда не случился выкидыш и я не потеряла вас обоих! Но я помнила, что мой долг – это выносить наследника Макдуффа, который отомстит за моего Торкиля...

Я была терпелива... – продолжала Сорча. – Тринадцать лет я принимала в своей постели убийцу, раздвигала бедра и позволяла ему измываться надо мной... Он заставил меня нарожать ему семерых щенков – и этот, последний, расправился со мной! И теперь, когда я лежу на смертном одре и всего какой-нибудь день отделяет меня от моего торжества, ты отказываешь мне, оберегая свою «честь», словно дитя любимую куклу? Но, Риган Макдуфф, на карту поставлена не только честь клана, но и жизнь твоей сестры и ее будущего ребенка... Как, по-твоему, отреагирует Макфергюс, если узнает, что Груочь вовсе не чистая голубица, каковой он ее почитал? Да он, ни секунды не раздумывая, прикончит ее! Ты единственное спасение сестры, ее последняя надежда, Риган Макдуфф. Если ты не займешь ее места на брачном ложе в первую ночь... – Голос ее прервался, и она в изнеможении упала на подушки.

– А что, если его семя прорастет во мне? – спросила Риган. – Как я *это* объясню в аббатстве Святой Майры?

– Наша мать убедила Макфергюса позволить тебе пробыть с нами еще по крайней мере месяц после свадьбы, – сказала сестре Груочь. – И если у тебя будут хоть малейшие признаки беременности, то у нас есть рецепт зелья, которое поможет тебе выкинуть плод. – Она сжала руки сестры и взглянула ей в лицо, словно в зеркало. – Умоляю тебя, Риган! Никто об этом не будет знать – только ты и я. Всего один раз... Ты не хочешь, я знаю, но Господь простит тебя! Сделав это, ты спасешь мне жизнь, спасешь дитя, еще не явившееся на свет, – и Макдуффы будут отомщены! Это наше торжество над Фергюсонами! Пожалуйста, Риган! Пожалуйста!

Риган холодно взглянула на мать:

– Всю жизнь вы не замечали меня, а теперь просите о таком... И я не откажу вам только из-за любви к Груочь и потому, что не могу допустить, чтобы на мне была ее кровь... Это вы знали, леди. И точно рассчитали. Проклинаю вас за это! – Риган встала и твердым шагом вышла из комнаты.

Груочь почувствовала неимоверное облегчение.

– Я знала, что она нас не подведет, мама. Риган – воистину Макдуфф! Она пожертвует собой, чтобы отомстить за смерть отца.

– Она и не думает о моем Торкиле, – слабым голосом сказала Сорча. – Она делает это лишь из любви к тебе, моя Груочь. И я рада, что, когда меня не станет, у тебя останется она. Не позволяй Макфергюсу отсылать ее, пока не убедишься, что она не беременна от этого выродка Фергюсона. Я не доживу до конца недели, моя девочка. Делай что хочешь, но пусть Риган будет рядом с тобой до тех пор, пока ты не убедишься, что в ее чреве нет ребенка от Йэна. Никто не должен знать о нашем возмездии. Довольно того, что знаем мы... – Глаза ее закрылись, и она вновь забылась.

Груочь Макдуфф глядела на мать. «Она изнемогла от частых родов. О, я не позволю, чтобы меня постигла та же участь! – подумала Груочь. – Пусть Йэн Фергюсон и дальше продолжает плодить ублюдков с местными девками. Мне до этого не будет никакого дела,

ведь я буду его законной супругой и мой сын от Макдуффа унаследует все, что они у нас украли, к тому же и все, чем сами владеют. Я буду покладистой и мягкой, но буду рожать лишь тех детей, которых выберу сама. Джеми Макдуфф будет моим любовником. И если это мое дитя умрет, то мой Джеми подарит мне еще одного... Если же вдруг родится дитя от Фергюсона, я сделаю все, чтобы оно не выжило. Никто и ничто не помешает Макдуффам получить назад все, что им принадлежало, и завладеть много большим!»

Сестра Груочь была бы поражена выражением прелестного личика девушки. Сорча Макдуфф хорошо воспитала свою любезную дочь. И пусть она умирает, пусть не проживет и двух дней, но Груочь не обманет ее ожиданий!

Риган, покинув замок, ушла к озеру. Вода всегда действовала на нее успокаивающе, но сегодня даже водная гладь не принесла ей желанного покоя. То, что за годы безрадостного детства в ее душе не накопилась горечь, было чудом и лишним доказательством торжества человеческого духа. Она не знала любви, доброты – и никогда по ним не тосковала.

Риган прекрасно усвоила, что Груочь – наследница, что Груочь – любимица, а она, нелюбимая и нежеланная, непременно станет монахиней. Но в замке Бен-Макдуи не было священника – последний исчез, когда ей исполнилось всего пять. Она мало знала о вере, если веровала вообще... Она слышала разнообразные объяснения уготованной ей участи. Но все они были не особенно убедительны.

Она не желала жить в окружении тихих женщин. Они будут только и делать, что молиться. Мужчин там вообще не будет. Но все же, зная свою судьбу, она готова была принести Богу, в которого и не очень-то верила, обеты чистоты, нищеты и послушания перед лицом всех монахинь, перед аббатисой... Риган глубоко вздохнула. Ложь была под запретом, но, дабы спасти сестру свою Груочь, она готова была на самый страшный грех. Ведь монахини поголовно должны быть девственницами, а вот она не будет – после того как займет место сестры на брачном ложе. Ну а если она этого не сделает, Йэн Фергюсон сразу поймет, что невеста его еще раньше утратила девственную чистоту. А Макфергюс, как и говорила мать, убьет Груочь, не раздумывая ни секунды. Риган прекрасно знала историю их рождения и то, как старуха Бриди спасла им обеим жизнь, заверив, что девочки не представляют никакой опасности.

Риган снова вздохнула, наклонилась и подняла с земли плоский камушек. Потом прицелилась и умело запустила его так, что он запрыгал по воде. Она медленно брела вдоль берега, обдумывая свое будущее... Риган ни разу еще не удалялась больше чем на милю или две от замка Бен-Макдуи – ни разу в жизни. А монастырь, в который ее отошлют, находится на другом краю Аллоа, на далеком побережье Стретчклайда. Она никогда больше не увидит ни замка Бен-Макдуи, ни своей сестры... Слезы наворачивались на глаза. Невзирая на очевидную разницу в их положении, Груочь всегда любила сестру. Что же до других, то лишь Сорча могла различить близняшек, посему все прочие были с ней весьма любезны, никогда не будучи уверенны, кто перед ними – любимица Груочь или отверженная Риган. Теперь же на ее долю остаются лишь воспоминания...

Капля дождя упала ей на щеку. Взглянув вверх, Риган увидела, что в небе над горами собираются весенние тучки. Она поспешила домой, где нашла Груочь, сидящую у огня.

– Ты уже послала за Макфергюсом? – спросила сестру Риган. – Ему надо бы узнать о рождении Малькольма и о состоянии нашей матери.

– Нет, я никого не посылала, – отвечала Груочь, – я просто сижу здесь и думаю, как странно будет жить без матери... Я останусь одна, когда тебя увезут, моя Риган. Невыносимо тяжело думать об этом!..

– Но у тебя будут и муж, и дети – и дни твои будут заполнены заботами, Груочь, – мягко возразила Риган. – А вот у меня ничего не будет. Мне не по душе мысль об этом монастыре,

но Макфергюс еще при рождении приговорил меня... И тебя тоже. Мы обе будем сыты, одеты, накормлены и в тепле, но достаточно ли этого?

– На свете существует любовь, – мечтательно произнесла Груочь.

– Я не знаю, что такое любовь, – призналась Риган. – Меня никто и никогда не любил, Груочь, – ну, может быть, только ты... У мамы в сердце не было для меня любви. Парни никогда даже не улыбались мне, думая, что я – это ты. Или, возможно, потому, что считали меня будущей монашкой. – Она грустно рассмеялась. – Что такое любовь? Для меня это пустой звук, но если это и впрямь что-то стоящее, то я желаю тебе любви, сестра. Пусть она будет тебе утешением!

– Может быть, потом, когда придет Макфергюс, у меня не будет удобного случая поблагодарить тебя за твою жертву, Риган Макдуфф. Я преклоняюсь пред тобою!

– Я никогда бы не сделала этого, но это лишь ради тебя... – серьезно отвечала Риган. – Ведь ты – часть меня, Груочь. Это так, сестра моя. Между нами словно протянута невидимая, но крепкая ниточка, и, если только это будет в моих силах, я не позволю и волосу упасть с твоей головы. Я считаю, что мама была не права, когда убедила тебя пойти на такое... Ведь отца этим не вернешь. А твой брак тесными узами свяжет Макдуффов из Бен-Макдуи с Фергюсонами из Киллилоха. Ты никогда не думала, что если бы жив был отец, то дело, возможно, кончилось бы этим самым браком, чтобы примирить враждующие кланы?

– Но его нет в живых! Он убит. Убит Фергюсонами! – отрывисто бросила Груочь. – Я отомщу им всем за него и за нашу бедную маму, которая сейчас умирает – все по их же вине! А ты – ты, Риган Макдуфф? Фергюсоны обрекли тебя влачить жалкую жизнь, жизнь без любви. Как могу я не рассчитаться с ними за это?

Наконец послали за Макфергюсом, и он спешно прибыл. С одобрением осмотрел он сына, яростного Малькольма, затем убедился, что состояние его матери резко ухудшилось, и объявил, что венчание состоится нынче же вечером.

– Она сильная женщина, но у меня нет уверенности, что она доживет до следующего утра, – сказал Макфергюс сестрам-близнецам. – Я непременно хочу, чтобы она видела своими глазами, как ты обвенчаешься с моим сыном, Груочь Макдуфф. – Он перевел взгляд на Риган: – Помоги сестрице облачиться, девочка, будь ей нынче вместо мамы. Я сам поеду за священником.

– Принесите воды для купания! – приказала Риган слугам, и, когда те поспешно исполнили приказание, она жестом удалила их, сказав: – Я сама вымою сестру перед свадьбой. Придете за нами, когда вернется Макфергюс со священником и женихом. Но до того не смейте нас беспокоить!

– Почему ты отослала их? – с любопытством спросила сестру Груочь, когда они остались одни.

– Я не хотела, чтобы кто-нибудь из них увидел тебя нагой: твой животик, хоть он еще так мал, мог бы возбудить подозрения... – начала объяснять Риган. И вдруг улыбнулась: – Погляди-ка! – Она протянула сестре что-то на раскрытой ладони. – Я сама сделала маленький кусочек мыла специально для этого дня. Оно ароматное, с лавандой...

Девушки быстренько скинули с себя одежду и вымылись по очереди, Груочь – первая, а за ней – Риган. Они вымыли и свои длинные золотистые косы, а потом просушили их у огня. Затем Риган вытащила из комода чистую одежду: тонкие и мягкие льняные сорочки и длинные туники с круглым воротом – нижние и верхние. Невесту Риган облачила в нижнюю тунику из тончайшей зеленой шерсти, а поверх надела на сестру более короткую верхнюю тунику из ярко-пурпурного шелка и перепоясала ее позолоченным кожаным ремешком с эмалевой пряжкой. Сама она надела одежды тех же цветов, разве что не такие яркие... Обувь им была не нужна – ведь выходить за пределы замка они не собирались.

Груочь надела на голову узкий золотой венчик, изукрашенный маленькими сверкающими самоцветами. Ни она, ни Риган не знали, как называются эти камни, но Сорча всегда говорила, что этот венчик она должна надеть в день свадьбы. Он стоил недешево и был частью ее приданого. Волосы Груочь распустила, как и подобает непорочной невесте. Риган заплела свои волосы в косу и украсила ее почти прозрачной лентой. Затем каждая из девушек приколола к плечу пучок черники в знак того, что обе они принадлежат к клану Макдуфф.

– А как мы с тобой поменяемся местами... ну... потом? – обратилась Риган к сестре.

– Ты будешь стелить брачное ложе... ведь мама не может, – отвечала Груочь. – Там, в спальне, мы и поменяемся платьями.

– А потом? – не унималась Риган.

– Не знаю... Может быть, тебе придется провести с Йэном всю ночь. Но если он уснет и тебе удастся потихоньку выскользнуть из спальни, ты найдешь меня, и я займу место, которое по праву мое... Ну, не выйдет ночью – тогда поутру... – говорила Груочь, поглаживая руку сестры, стараясь ее успокоить. – Я не могу подобрать слова, чтобы достойно отблагодарить тебя, моя Риган! Помни лишь: Йэн не должен заметить страха в твоих глазах, даже если тебе будет очень страшно. Ты должна быть сильной. Лишь делай то, что он велит тебе, и старайся не плакать.

Когда наконец их призвали в зал, они увидели, что Сорчу уже снесли вниз из спальни на носилках двое сыновей Макфергюса от его первого брака. Собрались все: Фергюсоны из Киллилоха, все члены клана, те Макдуффы из клана Бен-Макдуи, которых пощадил Макфергюс, и священник.

– Подойдите! Подойдите сюда! – Макфергюс поманил их костлявым пальцем. Когда девушки приблизились, он взял Груочь за руку и подвел ее к своему сыну.

«А на меня он даже не взглянул», – подумала Риган. И если бы не венчик с яркими самоцветами, он не смог бы различить их. Никто бы не смог. И тут, неведомо по какому наитию, она поняла, что обман, который они затеяли, – дело доброе... Глаза Риган встретились с потускневшими очами матери – это был первый такой взгляд, которым они обменялись за всю жизнь. Губы Сорчи тронула слабая улыбка торжества. Но в следующее мгновение глаза ее вновь устремились на возлюбленную Груочь.

«Сука! – подумала Риган. – Ты принесла нас обеих в жертву во имя своего возмездия, теперь нам предстоит разлука, нам, которые всю жизнь были вместе... Интересно, как отнесся бы наш отец к тому, что ты содеяла, Сорча Макдуфф?...»

Риган так глубоко ушла в себя, что почти не обращала внимания на происходящее вокруг. Вдруг она увидела, как ее мать вздохнула с облегчением. А Макфергюс с размаху хлопнул старшего сына по спине. Груочь изо всех сил старалась выглядеть, как подобает смущенной новобрачной. Церемония бракосочетания была окончена – герольды затрубили в трубы, слуги принялись обносить гостей кубками с вином, а сестры подошли к матери, которая слабела с каждой секундой. Макфергюс тем временем любовался, как жених и его братья лихо выплывают...

Что бы там Сорча Макдуфф ни думала о Фергюсонах, но Риган вынуждена была признать, что все они были хороши собой: с каштановыми волосами, синеглазые... Все они были одеты почти одинаково – вокруг талии каждого был обмотан плед, закрепленный кожаным ремнем. А ворота белых льняных сорочек были распахнуты на груди, выставляя на всеобщее обозрение густую растительность, которой могли похвалиться все отпрыски Макфергюса, кроме разве что самых младших. Обувь плотно облегла ступни, а кожаные ремешки обхватывали до колен их стройные ноги. На женихе обувь была кожаная, братья же его обуты были в туфли, сшитые из прочной водонепроницаемой ткани. Все они шумно пили, выкрикивая тосты в честь брата и его молодой супруги, танцевали перед гостями...

Приступ удушающего кашля сотряс Сорчу, и, когда дочерям удалось сообща облегчить ее муки, она прохрипела:

– Первая брачная ночь... Я должна узнать, что с моей Груочь все в порядке, прежде чем умру! Отведи сестру в спальню, Риган, и приготовь там все как надобно – я ведь сама не могу...

Девушки выскользнули из зала, не замеченные никем. Макфергюс и прочие приглашенные в это время как раз заливались хохотом, услышав чей-то на редкость похабный тост. Близнецы во весь дух неслись вверх по лестнице в спальню, заранее приготовленную для новобрачных. Груочь торопливо сорвала с себя подвенечный наряд, переоделась в платье Риган и наспех заплела волосы в толстую косу.

– А я... должна быть обнаженной? – спросила Риган сестру, стоя в одной льняной сорочке и расчесывая гребнем золотые волосы.

– Да, – отвечала сестра. – Так одежда по крайней мере не будет разорвана в клочья нетерпеливым жеребцом, моя Риган...

– Груочь... – поправила ее сестра. – Я Груочь, а ты Риган. Помни!

– Ложись в постель, – поторопила ее «Риган». – Я уже слышу шаги на лестнице. У мамы остается очень мало времени. Думаю, она не доживет до утра...

И только успела новоявленная невеста взобраться на высокое ложе, как двери покоя с треском распахнулись и гогочущая толпа родичей втолкнула в спальню голого Йэна Фергюсона.

– Исполни супружеский долг! Жена ждет не дождется! – заорал отец. Потом, грубо схватив за рукав переодетую сестрицу, вытолкнул ее из комнаты. – А тебе теперь здесь вовсе не место, ты, маленькая монашка!

Груочь была ошеломлена. Она и представить себе не могла, что Йэн Фергюсон так... так замечательно сложен. Джеми Макдуфф был великолепен как любовник, но ничем не прикрытое мужское естество Йэна Фергюсона, абрис которого она успела уловить достаточно отчетливо, обещало множество соблазнительных удовольствий... Может, Риган все-таки была права? Мамы вскоре не станет. Вражды между кланами больше нет. Ее дитя, дитя Макдуффа, унаследует все, месть будет совершена, а после... после она, Груочь Макдуфф, с радостью соединит оба клана еще более крепкими узами – узами крови, как того и хотел Макфергюс... Что же до ее сестрицы Риган, то, что бы ни случилось этой ночью в спальне, от нее вскоре избавятся: она уедет в обитель Святой Майры, чтобы прожить там до конца дней своих...

– Займись матерью, Риган Макдуфф! – приказал ей Макфергюс. – А я подожду тут, у дверей спальни, чтобы убедиться в том, что мой сын сделал все как надо и что твоя сестра сохранила девственность, как того требуют обычаи! Ну а если я увижу, что Макдуффы сыграли с нами злую шутку... – Он провел пальцем по горлу, издав при этом недвусмысленный звук.

– Милорд, – спросила девушка, – как вы могли подумать, что Груочь утратила девственность до свадьбы и обманула вас?

– Ваш единоутробный брат Дональд говорил мне, что она что-то чересчур дружна с молодым Джеми Макдуффом...

– Не спешите верить Дональду. В его обычае лгать – и все затем, чтобы разжечь между нами вражду... Мама за это не раз его била, притом очень больно. И Груочь, и я в прекрасных отношениях с кузеном Джеми, но между нами очень чистые отношения, клянусь вам! К тому же они ни разу не оставались наедине, я всегда была с ними: мама настаивала на том, чтобы мы соблюдали все приличия...

– Ты добродетельная девица, Риган Макдуфф, – сказал ей Макфергюс. – А теперь иди к матери – облегчи ей своим присутствием последние минуты.

– А вы... вы не пойдете с ней проститься?

– Мы уже сказали друг другу последнее «прости», – ответил он и подтолкнул ее в сторону лестницы. А затем все внимание его сосредоточилось на том, что происходит в спальне новобрачных...

...Горела лишь одна свеча. Йэн Фергюсон гордо выпрямился во весь рост, демонстрируя девушке свою мужскую гордость.

– Ну?

– Что «ну»? – отвечала девушка.

Сердце Риган бешено колотилось, но она не выказывала страха перед мужчиной.

– Как, по-твоему, Груочь, замечательное орудие, а? Мой жеребец еще даже и не встал на дыбы, а у этой малютки монашки глаза раскрылись на пол-лица! Она-то никогда не узнает, что это такое, – ни со мной, ни с кем другим. Бедняжка! А все-таки жаль, что я не какой-нибудь неверный и не могу взять в жены вас обеих. У наших предков было по несколько жен... А язычники-саксонцы и сейчас содержат гаремы! Признайся, малышка, хотела бы ты делить меня с кем-нибудь?...

– До меня дошли слухи, что дело давным-давно так и обстоит, – парировала Риган. – Говорят, что в округе не менее дюжины твоих отпрысков, Йэн Фергюсон. Но как бы то ни было, дети, которых рожу тебе я, положат конец нашей розни и будут твоими законными наследниками, супруг мой.

– А ты смелая...

Йэн не знал, что делать: ударить ее за такую наглость или сделать вид, что ничего не произошло? Он обнаружил, что ему по сердцу ее бесстрашие.

– Дональд говорит, что ты наставляла мне рога с Джеми Макдуффом, Груочь. Ну, если это так – я убью тебя и возьму в жены крошку монашку!

– Дональд лгун, – спокойно отвечала она. – Идите сюда, мой господин, и убедитесь сами, девственна я или нет.

«Дональд заплатит за это», – подумала про себя Риган, протягивая руки навстречу Йэну Фергюсону.

Он отбросил одеяло, скрывавшее ее юное тело. У нее были прелестные маленькие грудки и высокая талия. Кожа ее была цвета сливок. Он протянул руку, чтобы потрогать. Ах, какая гладкая, какая нежная... Потом коснулся ее золотого локона. Волосы мягкие, словно пух... Склонившись над девушкой, он поцеловал ее второй раз за день – и тут же в нем проснулась похоть. Он вскарабкался к ней на постель и сомкнул руки вокруг ее тела.

Риган сморщила носик. От Йэна Фергюсона несло потом и лошадыми. Надо же, не потрудились помыться даже перед свадьбой! И хотя ей и было любопытно, как все происходит между мужчиной и женщиной, она не завидовала сестре... Подумаешь, подарок! Рука его вдруг скользнула вниз, проникла меж бедер, трогая ее там, где, как она полагала, никто и никогда ее не коснется. Он придавил ее к постели всем телом, другая рука блуждала по ее груди... Риган закусила губу, чтобы не закричать, – его грубое поведение начинало уже пугать ее. Но она вовремя вспомнила предупреждение Груочь. «Не дай ему почувствовать, что ты боишься!»

Она вывернулась из его объятий:

– Что я должна делать, Йэн? Должна же ведь и я делать что-то, разве нет?

Изумленный, он уставился на нее.

– Чего? Нет, дорогуша, тебе ровным счетом ничего делать не надо. Сейчас ты станешь моей. Просто лежи... и будь хорошей девочкой. В постели все делает только мужчина. – Он вновь прижался губами к ее рту и просунул язык так глубоко, что Риган чуть не вырвало.

Она была ошеломлена. Так, значит, женщина просто должна лежать тихо, как мышенок? С какой тогда стати многим из них так все это нравится? Но может быть, когда они

приступят к делу, что-нибудь прояснится? По крайней мере то, что происходит сейчас, до ужаса противно...

– Раздвинь-ка ножки, милашка! – приказал Йэн, и, как только она повиновалась, он оказался между ее ногами. «Ее смущение неопровержимо доказывает ее девственность», – подумал про себя Йэн. Ну, он всыпет Дональду по первое число, если только тот солгал! Йэн Фергюсон устроился поудобнее и грубо вошел в ее тело, но тут же натолкнулся на преграду. Так вот она, ее девственность, возликовал он, потом чуть подался назад, но лишь затем, чтобы еще яростнее устремиться к заветной цели...

Риган громко вскрикнула от изумления и острой боли, которая тут же распространилась на всю поясницу. Позабыв советы Груочь, она принялась бороться с Йэном изо всех сил, молотя кулачками по его волосатой груди, а тот, не обращая внимания на ее протесты, продолжал свое дело размеренно и мощно...

– Ты делаешь мне больно, Йэн! – рыдала она. – Прекрати! Прекрати!

Но он словно ее не слышал. Член его двигался в ней все быстрее и быстрее, и вот Йэн громко застонал и, покрытый потом, распростерся на ней.

– О Иисусе, ну и трудно было, детка! Твой потаенный проход еще так узок, но мы поможем горю, мой жеребец и я... – горячо зашептал он ей на ушко. Затем он слез с постели, взял свечу и, приподняв ее повыше, с ухмылкой осмотрел ее бедра, простыню и свой теперь уже обмякший член – все было запятнано алой кровью. Подойдя к двери, он распахнул ее: – Войди, папа, и погляди сам. Моя женушка и вправду оказалась девственницей – или я ошибся, Груочь?

«...Поначалу было очень больно, а потом уже не так», – думала Риган. И все равно ей не понравилось совокупление, вовсе не понравилось... Смущения она не чувствовала. Ей просто было очень холодно – оттого она и дрожала. Если это называется любовью, то пусть этим занимается сестрица... Для нее же в этом нет ничего привлекательного.

– Вздуй Дональда от моего имени, папа, – сказал отцу Йэн. – Щенок нам солгал.

– Так говорила и маленькая монашка, когда я спросил ее нынче обо всем этом, – отвечал Элсдейр Фергюсон. – Ну и прекрасно, я рад, что девица оказалась непорочной. Не стану мешать тебе, парень. Наслаждайся – и доброй тебе ночи!

...Риган думала, что Йэн никогда не уснет. Еще дважды он терзал ее измученное тело. Потом наконец, к ее величайшей радости, он громко захрапел. Когда она убедилась, что он крепко уснул, Риган выпросталась из-под одеяла и, подняв с пола сорочку, тихо, словно мышка, скользнула за дверь. Быстро спустившись ниже этажом, она вошла в покои, где ее сестра сидела у ложа матери.

Груочь вскочила на ноги.

– С тобой все в порядке? – прошептала она.

– Ну, знаешь... – отвечала Риган. – Он причинил мне ужасную боль. – Она вкратце пересказала все, что произошло в спальне. – Лучше тебе поспешить наверх, пока он не проснулся. У меня нет сомнений, что это чудище снова захочет поиметь свою молодую женушку еще до рассвета. Он похотлив, словно жеребец, моя сестрица.

Сестры снова обменялись платьями, а Груочь намазала внутреннюю поверхность бедер заранее заготовленной цыплячьей кровью и торопливо натянула сорочку.

– Спасибо тебе... – просто сказала она. И вот ее уже и след простыл...

Риган торопливо смыла со своего тела следы позора и оделась. Потом уселась и поморщилась от боли, когда ее маленькая попка соприкоснулась с досками лавки. Как все-таки это больно...

– Риган... – Голос матери пробудил ее от тягостных раздумий.

Риган наклонилась к умирающей, вглядываясь в ее лицо:

– Что?

Мать протянула руку и крепко сжала ладонь дочери:

– Ты добрая девочка... – И Сорчи Макдуфф не стало.

Риган была потрясена, но чем именно, она не могла с уверенностью сказать. Кончина матери была так проста... Чего не скажешь о ее последних словах. Риган всю жизнь прождала ласкового слова от Сорчи Макдуфф, но вся любовь матери была лишь для Груочь, все ее мечты и чаяния были связаны лишь со старшей, с любимицей... Лишь ей говорила Сорча ласковые слова. А вот последних слов матери никто у Риган не отнимет...

– Ах, мама! – только и смогла она выговорить. – Да примет Господь твою бедную душу...

Освободив пальцы от пожатия мертвой руки, Риган Макдуфф спустилась вниз, в зал, чтобы сообщить Макфергюсу, что мать ее почилла. Он кивнул, и ей показалось, что в голубых глазах его блеснули слезы.

– Я позову старую Бриди, чтобы она омыла и убрала тело как подобает, милорд, – сказала Риган. – Пусть Груочь с молодым мужем спят спокойно...

– Да, – согласно кивнул он. И более не вымолвил ни слова.

На следующий день они предали земле тело Сорчи Макдуфф возле могилы ее мужа, на склоне холма у озера. День был серый и дождливый. Когда завернутое в саван тело опускали в могилу, трубы играли гимн клана Макдуфф. После смерти Торкиля сердцем клана стала Сорча. И вот это сердце перестало биться... Наследница Бен-Макдуи замужем за Фергюсоном, а через месяц сестра ее поедет через всю Шотландию в монастырь, и более никто ее не увидит. Погребальный плач Макдуффов был горьким, продолжительным и непритворным...

Джеми Макдуфф разыскал Риган.

– Ну и как, понравилась Йэну Фергюсону его невеста? – с лукавинкой спросил он.

– Она была чистой и непорочной, – спокойно ответила Риган. – И если кто-то усомнится в этом, то получит кинжал в самое сердце, кузен. – Голос ее звучал предупреждающе.

– Выходи за меня... – сказал он, изумив девушку несказанно.

– Что? Может быть, ты спутал меня с Груочь, юнец? Нет, ты просто хочешь оскорбить меня... Не разыгрывай дурня, Джеми! – дружески посоветовала ему она.

– Ты дочь Торкиля Макдуффа, – объяснил он. – Ты знаешь, что многие хотят возрождения попорченной чести клана Макдуфф и падения Фергюсонов...

– На свете множество дурней, Джеми Макдуфф, – перебила его Риган. – Я никогда не знала отца: он погиб в междоусобной брани еще до моего рождения. Все эти годы мы жили в мире. Фергюсоны значительно превысили нас числом, потому и победили. Для чего ты вновь затеваешь смуту? Чтобы наши юноши вновь гибли во славу клана Бен-Макдуи? Нет, я не возьму на душу такого греха...

– Твоя мать никогда бы не сложила оружия...

– Наша мать мертва! – зло воскликнула девушка. – И если тебя существующее положение вещей не устраивает, Джеми Макдуфф, – убирайся! Покинь клан Бен-Макдуи! Я не позволю тебе разрушить счастье сестры!

– Счастье? Уж не с Йэном ли Фергюсоном? – недоверчиво и насмешливо спросил он.

– Только нынче утром она по секрету призналась мне, что Йэн – восхитительный любовник, – сказала Риган. И неумолимо прибавила: – Лучший, какого она когда-либо знала...

В ярости юноша покинул ее. Больше она никогда его не видела. К своей радости, несколькими днями позже она узнала, что Джеми Макдуфф завербовался в солдаты и уехал в какую-то неведомую Византию. Груочь же была просто счастлива отделаться от своего бывшего возлюбленного. Страстность молодого мужа пришлась ей весьма по вкусу, и она была вполне довольна...

Риган все еще оставалась в замке Бен-Макдуи, но, к своему изумлению, обнаружила, что без матери она здесь и вовсе чужая. А Груочь вскоре стала мучиться ревностью при малейшем знаке внимания, оказываемом ее супругом родной сестре. Теперь она беззастенчиво торопила ее со сборами и отъездом. И радостно вздохнула, узнав, что месячные у Риган пришли вовремя...

– Ну теперь-то ты едешь? – спросила она чересчур прямо.

– Да, – ответила Риган. – Но ведь ты дашь мне время, чтобы оправиться, сестра? Ты же знаешь, как тяжело мне будет в дороге, да еще теперь...

– Ну конечно, – с неохотой вымолвила Груочь. – К тому же это путешествие будет не из легких. Я не хочу, чтобы у тебя были лишние проблемы...

– Когда я уеду, мы больше никогда не увидимся, – сказала Риган. – Но я всегда буду любить тебя, Груочь!

– И я... – Голос Груочь смягчился. – Правда, я вовсе не хочу, чтобы ты уезжала, но старик тверд в своем решении. Он говорит, что ты своим присутствием здесь лишь искушаешь Макдуи, моя Риган...

– И он прав, – отвечала сестра. – Джеми Макдуфф так просто напрямик предложил мне пойти за него и восторжествовать над Фергюсонами, но я прогнала нахала. Причем передала ему, будто ты сказала, что Йэн как любовник даст ему сто очков вперед.

– Да, это так! – хихикнула Груочь. – Ты была права, когда назвала его жеребцом, моя Риган. Я сейчас уже почти жалею, что беременна, – ведь скоро живот мой станет настолько велик, что я не смогу ублажать его. Тогда он снова пойдет по деревенским бабам...

– Ты уже сказала ему, Груочь?

– Нет, но скоро обрадую. – Груочь улыбнулась. – Он надуется от гордости как петух, да и старик растает от счастья, – заключила она.

«...Она довольна, – подумала Риган. – Возмездие, задуманное нашей матерью, совершается, но, похоже, Груочь нет до этого уже ровным счетом никакого дела. Она просто счастлива, что стала женой Йэна Фергюсона, правда, не пойму, с чего... Нет, конечно, он смазливый парень, но неотесанный и грубый. С каждым годом он все более будет походить на отца. Хотелось бы поглядеть, каковы будут их детки, но этого я никогда не увижу. Скоро, очень скоро я покину Бен-Макдуи. Когда-то я думала, что мне будет больно, но теперь... Груочь нашла свое место под солнцем, а вот я – нет».

Погожим весенним утром Риган Макдуфф покидала то, что всю жизнь считала родным домом. Путешествие должно было занять не менее двух недель – им предстояло пересечь Аллоа и попасть в область, именуемую Стретчклайд, в юго-западной оконечности страны. Девушку сопровождали воины обоих кланов. Старый Макфергюс показал ей небольшой, но увесистый ларец, который затем вручил капитану стражи.

– Твое наследство, кроха, – сказал он. – Эндрю собственноручно вручит его матери Уне. – Затем, почувствовав, что девушка в смятении, прибавил: – Обитель Святой Майры находится на самом побережье. Я знаю, милая, ты ведь никогда не видела моря. Оно может быть прекрасным и пугающим, яростным и бурным. А в ясный день ты сможешь увидеть даже скалы Эйре, земли кельтов, по ту сторону пролива. Аббатисой в обители моя родственница Уна, по крайней мере была ею, когда ты родилась. Она добрая женщина, насколько мне известно... Ну а если ее там уже нет – все равно твое имя давно занесено в тамошнюю книгу, тебя ждут, тебя примут. Отныне там твой дом.

– А здесь я теперь чужая, милорд? – храбро спросила Риган.

Макфергюс вздохнул:

– Боюсь, не быть тебе доброй монашкой, но что еще могу я сделать для тебя, милая? У Бен-Макдуи может быть только одна наследница – та, которая сейчас стала женой моего сына. У них вскоре родится дитя. Ты опасна для нас, Риган Макдуфф. Даже не произнося ни

слова, ты можешь одним своим присутствием поднять клан Макдуи на мятеж против нас, Фергюсонов, а этого я не допущу! Ты ведь не глупышка. Ты все понимаешь...

– Да, – кивнула Риган. – Но это не значит, что все это мне по душе. А могу я остаться? Я не допущу волнений среди Макдуи! Буду сидеть тише воды, ниже травы. Для меня невыносима мысль, что меня заточат навеки...

– Раскрою тебе один секрет, детка, – сказал Элэсдейр Фергюсон. – Сперва придется научиться терпению. Пока ты молода, это будет нелегко... А потом, дитя, стремись к власти там, за монастырскими стенами. Ты ведь явно не удовлетворишься положением простой монахини – и добро! Познав власть, ты обретишь и покой. А теперь пойд и прости с сестрой.

Груочь и радовалась, и печалилась из-за отъезда сестры. Сознание ее раздвоилось: одна половинка испытывала облегчение. Ведь Йэн частенько поддразнивал ее, говоря, что когда-нибудь может их ненароком спутать... А что, если он по ошибке окажется в постели крошки монашки, как он всегда называл Риган? В этой шутке была доля правды, что крайне волновало Груочь... К тому же Риган знала ее тайну. А если в замке не будет Риган, то Груочь сможет сделать вид, что дитя, шевелящееся у нее под сердцем, и впрямь от Йэна, – ведь мать унесла тайну с собой в могилу. Более никто ни о чем не подозревал.

...И все же Риган была такой же частью ее, как, например, правая рука или нога. Они всю жизнь были неразлучны – а теперь им предстоит расстаться навеки. И вряд ли они когда-нибудь снова свидятся...

Сестры крепко обнялись, цепляясь друг за друга в тщетном порыве... Слова были бесильны. Потом Риган помогли взобраться на низкорослую лошадку. Она всего раз обернулась – но увидела лишь, что Груочь рыдает на плече мужа. Она даже не помахала рукой на прощание...

Они ехали куда быстрее, нежели предполагала Риган. Деньки стояли погожие, а ее свита хотела поскорее доставить девушку в обитель и убраться восвояси домой. Воинам было неуютно в незнакомых землях. Сначала они ехали на запад, затем повернули на восток. И если бы не грустная цель путешествия, Риган от души наслаждалась бы... Она была очарована красотой природы. А ночами они вставали лагерем у самой дороги, лишь изредка находя приют в обители какого-нибудь монашеского ордена. Все воины, сопровождавшие ее, будь то Макдуффы или Фергюсоны, были с ней неизменно почтительны – и не более. Чему, кстати, девушка была несказанно рада: никаких склок, никаких клановых распрей...

Наконец они выехали на дорогу у самого побережья, и вид моря поразил Риган. Казалось, оно безбрежно, бесконечно...

– У него и вправду нет конца и края? – вслух спросила она.

– Представляю себе, как какая-нибудь девушка на том берегу спрашивает в точности о том же!... – с улыбкой отвечал капитан стражи. Он был Макдуфф, и хотя всем сердцем сочувствовал Риган, но вовсе не хотел возрождения старых родовых распрей между Макдуффами и Фергюсонами. Семейные люди всегда предпочитают мир...

Вскоре погода переменилась: с моря подул холодный ветер и закапал дождь, поэтому обитель Святой Майры выглядела не слишком гостеприимно, когда они постучались у ворот. Большое серое здание за высокими стенами, сложенными из огромных булыжных глыб, стояло на самом берегу моря. Привратница, маленькая и суетливая монашка, впустила Риган и капитана.

– Прошу вас, подождите, – сказала она тихо и смущенно. – Пойду и доложу матери Юб, что у нас гости.

– А мать Уна? Она больше не аббатиса? – спросила Риган монашку. – Может быть, меня здесь уже никто не ждет?... – прибавила она с надеждой.

– Мать Уна уже очень стара и живет в монастыре на покое, – объяснила маленькая монашка. – Но делами обители она больше не может заниматься. – И монашка поспешила вон.

– Не думаю, чтобы в столь тихом местечке были такие уж серьезные дела, – сказал капитан, но, оглядевшись, не мог не признать, что обитель очень и очень богата. На дубовом столе красовались золотые и серебряные подсвечники, на стенах висели великолепные гобелены. В комнате, где им предложено было дожидаться, был прекрасный камин с хорошей тягой – тут совсем не пахло дымом.

– Здесь вы будете в безопасности и довольстве, леди, – постарался как мог утешить грустную девушку капитан.

– Стены... Такие высокие стены, – сказала Риган. – Вокруг замка Бен-Макдуи не было стен. Я могла спокойно приходить и уходить, когда захочу. Не люблю стен...

«Убегу! – думала она. – Как только уедут воины, тотчас же убегу. И никому не будет до меня никакого дела».

– Может быть, если бы замок Бен-Макдуи был обнесен крепостной стеной, ваш отец был бы сейчас жив, а вы просватаны за хорошего человека, как ваша сестра...

Двери открылись, и вошла высокая миловидная женщина. Она была в черном, по обычаю монастыря, но на ее груди сверкал поразительной красоты крест, изукрашенный драгоценными камнями, а рука, протянутая гостям для приветствия, была вся в перстнях.

– Я мать Юб, – произнесла она хрипловатым чувственным голосом. Темные глаза ее с интересом изучали капитана.

– Вот это леди Риган Макдуфф, – промямлил капитан, растерявшись под этим бесстыдным взглядом и в конце концов решив, что не так понял аббатису. – Ее шлет сюда лаэрд Киллилоха, чтобы она стала монахиней в вашей обители. Об этом было договорено уже много лет назад с матерью Уной, родственницей лаэрда. Вот часть ее наследства, матушка.

Риган встретила взглядом с аббатисой и, к своему удивлению, заметила в ее темных глазах веселые искорки. Неужели эта женщина издевается над ней?

– Но если у девицы нет призвания к монашеской жизни, – возразила мать Юб, – тогда что ей делать здесь?

Она взвесила на ладони тяжелый кошель. Бывало, ей давали кошельки и поувесистее, но и этот не так уж легкий. Девица, несомненно, кое-чего стоит...

– Это одна из двух наследниц Бен-Макдуи, – объяснял тем временем капитан. – У покойного лаэрда Торкиля Макдуи родились две девочки. Сыновей им с женой не дал Бог. Потом лаэрд Киллилоха – тот самый родственник матери Уны – предназначил одну из девочек в жены своему старшему сыну. А эта – младшая. Лаэрд не мог допустить, чтобы у Макдуи было сразу две наследницы, а ее сестра теперь уже замужем и носит дитя под сердцем. Этой девушке с рождения была уготована участь монахини, в вашей обители. Вот почему мы здесь, матушка.

– А где находятся земли Бен-Макдуи? – поинтересовалась мать Юб.

– В горах Аллоа, почти что у другого моря, матушка. Мы ехали сюда целых пятнадцать дней.

– Понимаю... – Мать Юб задумалась.

Девушку наверняка отослали столь далеко, на другой край страны, чтобы Макдуи не подняли мятежа против лаэрда Киллилоха, который ловко заграбастал наследство обеих девиц, женив сына на старшей...

– Назовите мне имя вашего лаэрда, капитан.

– Элэсдейр Фергюсон, матушка.

– Передайте Элэсдейру Фергюсону, что он может не беспокоиться более о судьбе леди Риган. Передайте, что я клятвенно заверяю его, что ни он сам, ни кто-либо из клана Макдуи

никогда не увидит этой девушки. Теперь она под моей опекой. – Мать Юб улыбнулась. – Можете идти, капитан.

И тут, к величайшему изумлению аббатисы, капитан преклонил колена перед Риган и почтительно поцеловал ей руку:

– Да хранит вас Бог, леди.

Потом поднялся и со вздохом вышел. Привратница поспешила выпроводить его.

– Пойдем со мной, – тоном, не терпящим возражений, сказала мать Юб и, повернувшись так стремительно, что зашуршали юбки, обвившись вокруг щиколоток, вышла из комнаты.

Риган последовала за высокой монахиней. Чтобы поспеть за ней, девушке пришлось почти бежать. В здании, как выяснилось, был просторный внутренний двор с прелестным розарием. Там было очень тихо, и сквозь окна первого этажа слышны были молитвы – монахини возносили хвалы Господу в своих кельях-одиночках. Когда они пересекли двор, мать Юб открыла какую-то дверь. Они поднялись вверх по ступеням и оказались в просторной светлой комнате.

Тут монахиня резким движением сорвала с головы клобук, и черные волосы заструились по ее плечам. Повернувшись к девушке, она приказала:

– Сними плащ, дева! Я должна получше рассмотреть тебя.

Удивленная Риган повиновалась. Под темным плащом она была облачена в темно-синюю тунику. Мать Юб сама стянула покрывало с головы Риган.

– Иисусе! Какие великолепные волосы! – Тут она повернулась к мужчине, который неведомо как и когда очутился в комнате. – Ну, какова грива, Гуннар? Не солома, как у твоих датских девок, а настоящее золото! Да еще с серебряным отливом! – Потом она вновь повернулась к Риган: – Разденься, дева.

– Леди! – Риган была потрясена.

Мать Юб отвесила Риган пощечину:

– Повинуйся мне, дева! Теперь я твоя госпожа. Здесь, в обители Святой Майры, правлю я!

– Так что же вы за монахиня, если у вас в комнате находится мужчина и вы сами требуете от девушки, чтобы она щеголяла перед ним нагишом? – не унималась Риган. – И где матушка Уна? Не думаю, чтобы она одобрила ваше поведение. Я не желаю здесь оставаться!

Человек медленно поднялся со стула. Он был среднего роста, с почти квадратным телом и на первый взгляд казался несколько грубоватым. Череп его был гладко выбрит, но на темени оставлена темно-пепельная косица, перехваченная у основания кожаным шнурком с бронзовыми наконечниками. Подойдя к Риган, он взглянул девушке прямо в глаза, но она не затрепетала, подобно сотням других, на кого он так глядел прежде. Улыбка его была ледяной. И вдруг он схватил ее одной рукой за волосы, а другой рванул тунику у ворота так, что она разорвалась почти надвое. Он быстро освободил ее тело от обрывков одежды и отошел, чтобы полюбоваться.

– Девственница-блондинка, – одобрительно сказал он. Голос его звучал хрипло. – Это кругленькая сумма! Донал Рай говорил, что от мавров за блондинку-девственницу можно получить целое состояние. А эта к тому же очень молода...

– Я не девственница! – Риган плюнула ему в лицо. Вот вам! Это спутает их планы, что бы они ни задумали.

– Не девственница? А сюда тогда зачем явилась? – завизжала мать Юб. – Ты, должно быть, вконец потеряла стыд, если являешься в святую обитель, утратив девственность!

Мужчина оглушительно расхохотался:

– Уймись, Юб! Да девка просто врет без зазрения совести, чтобы спастись! Что, разве я не прав, милашка?

– Я не лгу! – зло бросила Риган.

– А вот сейчас и проверим! – И он снова крепко схватил ее за волосы.

– Я не лгу! – упрямо повторила Риган.

– У тебя был любовник? – спросил он.

– Муж моей сестры...

– Так вот почему тебя упекли сюда! – возмутилась мать Юб. – Ах ты, распутная девка!

– А сами вы, леди? – напала на нее Риган. – Не знаю уж, каковы вы на самом деле, но это занятие не для монахини! Вам должно быть совестно!

Страх девушки не чувствовала, хотя подозревала, что все на самом деле очень страшно. В самом воздухе ощущался запах беды.

Мужчина по имени Гуннар, все еще крепко держа девушку за волосы, подтащил ее к столу, стоящему у окна. Потом, схватив ее железными пальцами за шею, он силой заставил ее согнуться.

– Стой спокойно! – зарычал он. – Не то убью, девка!

Она почувствовала, как пальцы его ощупывают ее бедра. Тяжелое мужское тело прижималось к ней все теснее. Потом Риган почувствовала, как твердая, как камень, мужская плоть входит в нее...

– Ублюдок! – зашипела мать Юб. – Ты страшный человек, Гуннар Кровавый Топор! Иметь эту девку прямо здесь, в моем присутствии! Ненавижу тебя!

– Она не солгала, – оборвал он вопли оскорбленной женщины. – Она не девственница, но еще совсем недавно была ею. Муж ее сестры, похоже, был у нее единственным мужчиной. – Мускулы его зада ритмично сокращались в такт его размеренным движениям. – Донал Рай возьмет ее, Юб, и хорошо заплатит. Похоже, одна эта девица стоит всех прочих, которых мне удалось собрать за это плавание. Теперь можно считать рейд успешным. – На мгновение глаза его закрылись, он глухо застонал от наслаждения. Мускулы его тела расслабились, и он извлек обмякший член из тела Риган. – Она бесстрашна – и это хорошо. – Выпустив Риган, он сказал: – Надень платье, девушка.

Риган склонилась и подняла с пола разорванную в клочья одежду.

– Вы изорвали ее, – спокойно произнесла она: разум ее отказывался повиноваться, она не желала понимать, что только что произошло с ней. Просто еще один мужчина, такой же, как Йэн. Их соитие ничего не значит. – Либо я должна тотчас же зашить платье, либо потрудитесь дать мне другое, леди, – обратилась она к матери Юб.

что-то в ее непоколебимом спокойствии заставило монахиню затрепетать. Девушку только что безобразно и жестоко изнасиловали. Она должна биться в истерике, кричать – ан нет!

– У тебя нет времени зашивать платье! – нервно сказала мать Юб. – Я дам тебе одежду.

Она подошла к комоду у стены и достала темную тунику и поношенную сорочку из грубого льна.

– Вот, дева, – ворчливо произнесла аббатиса.

Риган взяла из рук монахини одежду. Она ни в какое сравнение не шла с той, что была безжалостно разодрана. «Как странно, – подумала Риган, – что я в состоянии сейчас замечать подобные вещи!» Одеваясь, она обратилась к монахине:

– Дайте мне нитку с иголкой, леди. Я починю свое платье, а это верну вам. Не люблю оставаться в долгу. – Она подняла с пола рваное платье и накинула его на плечи. Знакомый запах действовал успокаивающе.

Гуннар Кровавый Топор кивнул:

– Вот этим она и займется во время плавания.

Риган подняла на него глаза:

– Куда вы меня увозите?

– В Дублин.

– А где это?

– Ты не годишься для обители: задаешь чересчур много вопросов! – зло бросила мать Юб.

– Это по ту сторону моря, в Эйре, – отвечал Гуннар Кровавый Топор.

– А что будет, если Макфергюс придет за мной?

– Он никогда никого не придет за тобой, дева, – уверенно сказала монахиня. – Думаешь, почему он отослал тебя в такую даль? Да чтобы никогда больше тебя не видеть! А если кто и спросит, что с тобой, то я скажу, что ты преставилась.

Гуннар Кровавый Топор рассмеялся:

– Ты хитроумная шлюха, Юб! Мы отплываем вечером. Проследи, чтобы товар подготовили к погрузке. Тотчас же!

– Когда ты вернешься ко мне? – развязно спросила монахиня.

– Но ведь в ближайшие несколько месяцев у тебя не будет для меня товара, Юб, – отвечал Гуннар Бладэкс. – А когда я покончу с делами в Дублине, я отправлюсь домой, в Данию. Ну может, следующей весной и загляну к тебе...

– А как с моей долей? – заволновалась монахиня. – Думаешь, я поверю в сказку о том, что весной ты приедешь и привезешь денежки? Либо плати мне прямо сейчас, прежде чем забирать товар, либо возвращаясь с деньгами, прежде чем отплыть домой, Гуннар Кровавый Топор!

Тот оскалился на нее, но все же ответил.

– Да получишь ты свое серебро, алчная сука! А теперь собирай девок! Я вовсе не намерен торчать тут еще целый день! – Он сграбастал Риган в охапку. – А эту цыпочку я тебе не доверю. Заберу сам это сокровище.

– Нет, вначале дайте мне иглу и нитки! – настаивала Риган.

Монахиня со злостью швырнула ей просимое и в ярости выбежала из комнаты.

– Ты тверда словно скала, девушка! – сказал Гуннар Кровавый Топор. – Если бы не куча монет, которую мне отвалят за тебя в Дублине, я взял бы тебя в жены. Как зовут тебя, девушка?

– Риган.

– Но это имя юноши! – изумился Гуннар.

– Моя мать хотела сына. Но первой родилась моя сестрица-близнец, Груочь, а сразу же за ней – я...

– Так у тебя есть сестра-близнец? – присвистнул Гуннар. – Вот если бы вы обе достались мне, я просто озолотился бы!

И он повел девушку прочь.

Они спустились по ступеням, но не пошли через внутренний, обсаженный розами дворик: Гуннар распахнул неприметную дверку в стене, ведущую наружу. Взору Риган предстала узенькая тропка, спускающаяся к морю. А на берегу она увидела еще не спущенный на воду самый настоящий корабль. Такое Риган видела впервые. Утлые челны, бороздившие гладь озера там, в Бен-Макдуи, ни в какое сравнение не шли с этим красавцем. Она сразу же поняла, что это судно может свободно переплыть море.

– Из чего он сделан? – спросила она Гуннара.

– Из дуба, – ответил датчанин. – А мачта сосновая. Нам порой помогает ветер, но на судне еще должно быть тридцать два гребца, хотя сейчас тут нас всего около двадцати. В летнем море куда легче...

– И он поплывет прямо через море?

– Ну да!

– А долго придется плыть? Когда мы доберемся до этого... Дублина?

– Через три-четыре дня. Это зависит от попутного ветра, – объяснил Гуннар. – Послушай, тебе разве не интересно, что я собираюсь сделать с тобой, Риган? Ты что, вовсе не боишься?

Аквамариновые глаза Риган устремились на мужчину.

– Разве сможет любопытство повлиять на мою судьбу, Гуннар Кровавый Топор? И с чего мне бояться тебя? Ведь ты явно не намереваешься умертвить меня. Я прибыла в обитель Святой Майры не по зову сердца. Я вовсе не хотела становиться монахиней. И какая бы участь ни была мне уготована, она не может быть страшнее той, от которой ты меня избавил.

– Никогда прежде не встречал женщины, способной рассуждать здраво! – с восхищением сказал северянин. – Чувства не лишают тебя разума, Риган, и это очень хорошо. Что ж, я расскажу тебе, что с тобой станет. Я намереваюсь продать тебя в Дублине работоторговцу по имени Донал Рай. Ты удивительно красива, а Донал Рай покупает лишь самых лучших рабынь. А в Мавритании есть особый рынок, где торгуют красавицами. Ты будешь жить в куда большей роскоши, нежели твоя сестрица, – ты будешь самоцветом в сокровищнице какого-нибудь богача. А если ты подаришь ему детей, то будешь купаться в золоте!

Риган кивнула:

– Это куда лучше, чем я предполагала.

...Как она спокойна. Как покорна! Пораженный Гуннар спросил:

– И твое сердце не станет томиться по оставленным здесь любимым? – «А как же твой любовник, сестрин муженек?» – хотел он спросить.

– Здесь у меня нет любимых. – Она увидела безмолвный вопрос в его глазах и рассказала все об Йэне Фергюсоне. – Моя девственность была принесена в жертву, чтобы осуществить коварный план возмездия, выношенный нашей матерью, и спасти Груочь от неминуемой мучительной смерти. Только и всего, – закончила она.

– Так ты никогда не любила мужчину?

– Я никого и никогда не любила, пожалуй, кроме моей Груочь, – честно призналась Риган. – Я не уверена даже, что понимаю, что это слово значит. Любовь? У матери моей любовь к отцу после его кончины превратилась в мучительную жажду мести. Кто знает, как она любила его раньше... А любовь ее к Груочь тоже была ущербной: ведь любимая дочь была не более чем орудием мести в ее руках. Она холила и лелеяла ее, выкармливала грудью, но лишь затем, чтобы девочка с молоком матери всосала ненависть к обидчикам. Я же для матери была ничто. Пустое место. Только на смертном одре она сказала мне доброе слово. Только перед кончиной... До того меня как бы не существовало. Она ни разу не приложила меня к груди, ни разу не смазала мне ссадины целебной мазью, когда я была малышкой. Груочь – вот все, что у меня было, да и то лишь тогда, когда мать отпускала ее от себя. Любовь? Даже не знаю, что это значит. Да полно, существует ли она вообще, Гуннар Кровавый Топор?

И тут он понял, почему она не расплакалась после того, как он надругался над ней. Она словно их легендарные «ледяные девы». Он уже отчаянно завидовал тому, кто когда-нибудь разбудит ее чувственность, ее любовь. К тому же такой красавицы ему не приходилось еще встречать. Несмотря на все, что было в ее жизни, она была полна чистого очарования. Она умна и научится сгибаться, но никому не удастся сломить ее. Подобных ей во всем свете не сыщешь!

Люди Гуннара уже спускались с холма, гоня перед собой, словно стадо овец, стайку всхлипывающих женщин. Потом гребцы вставили весла в уключины. А женщин одну за другой загоняли на борт и усаживали прямо на доски под полотняный навес, где им было строго-настрого приказано сидеть смирно. А когда последний матрос взошел на борт, на корабле подняли парус и судно начало медленно удаляться от берега. Почти тотчас же женщины подняли громкий многоголосый вой, а некоторые даже рвали на себе волосы.

– Почему вы плачете? – Риган повернулась к своей соседке, совсем еще молоденькой девушке – худенькой, с веснушчатым личиком и громадными карими глазищами.

– Но, леди, – видно, девчушка сразу же распознала в Риган аристократку, – мы же навеки покидаем родную землю!

– И что же такое дорогое оставляете вы здесь? Что так горько оплакиваете? – требовательно спросила Риган.

– Да ведь они же собираются продать нас в рабство... – робко вставила одна из девушек.

– А для тех, кто вас вырастил, и для тех, кто заточил вас в обитель Святой Майры, для них разве вы были не рабынями? Признайтесь! Женщина в наших семьях – всего лишь бесправная рабыня. Вам просто предстоит сменить хозяев... – Риган говорила очень спокойно и рассудительно.

– Но эти кельты, говорят, язычники! – раздался женский крик.

Риган пожала плечами.

– Все мужчины одним миром мазаны, – сказала она девушкам, а потом завернулась в плащ и устало закрыла глаза.

Вокруг нее перешептывались изумленные девушки, и вдруг раздался тоненький голосок:

– Ты мудра, госпожа. Теперь мне уже совсем не страшно.

Риган открыла глаза.

– Как тебя зовут? – Она посмотрела на веснушчатую девчонку. – Я Риган Макдуфф из клана Бен-Макдуи.

– Меня звать Морэг, – ответила девушка. – Я не знаю, кто мои родители. Меня отослали к матери Уне одиннадцать лет назад, когда я была совсем еще ребенком...

– А что произошло с матушкой Уной? – с любопытством спросила Риган.

– Однажды с ней случился удар, она упала без чувств. А когда пришла в себя, то у нее язык отнялся. Сперва монашки растерялись и не знали, что делать, – ведь мать Уна была волевой женщиной и все всегда решала только сама. Тогда сестра Юб и объявила, что если эти овцы не могут самостоятельно принять никакого решения, то аббатисой станет она. И баста! Никто не посмел ей перечить. Поначалу все было, как и при матери Уне. А потом появился этот северянин Гуннар. Мать Юб говорила, что он ее дальний родственник. А потом неведомо куда стали исчезать молоденькие монахини, послушницы...

Сначала мы не понимали, что происходит. А однажды я случайно подслушала разговор матери Юб и Гуннара – они обсуждали, кто следующий исчезнет из обители Святой Майры. Я прислушалась, и тут до меня дошло, что они торгуют живым товаром. К тому же я поняла, что Гуннар Кровавый Топор – любовник матери Юб. Я хотела бежать к матери Уне и все ей рассказать, но задела табуретку, та с грохотом упала, мать Юб поймала меня – и моя участь была решена...

– А с чего ты решила, что старая немощная женщина, которая не может даже говорить, поможет тебе, глупышка?

– Ты права, госпожа, – невозмутимо и весело согласилась Морэг, – но я просто не знала, как мне быть... К тому же в монастыре мне не нравилось, – понизив голос, призналась она.

Риган расхохоталась:

– Вот и мне тоже!

Плавание было спокойным, без приключений. Другие женщины поочередно то плакали, то молились, а Риган Макдуфф и Морэг успели сдружиться. Обе они считали спутниц глупыми овцами, и вправду, к чему рыдать, если этим делу не поможешь?

Корабль был очень мощный, тяжелый, и, поскольку летний ветерок не мог наполнить паруса, гребцам пришлось изрядно попотеть. Женщин кормили хлебом и высушенной коп-

ченой рыбой, а вода была в бочонке, стоящем у главной мачты. Целыми днями они перешептывались, сбившись в кучку, а ночами беспокойно спали, разметавшись под палубным тентом. Для отправления нужды предназначено было одно ведро на всех – по мере надобности оно опорожнялось прямо за борт.

Риган никогда не считала, что жила в роскоши дома, в замке Бен-Макдуи, но в сравнении с тем, что пришлось ей вытерпеть на корабле, жизнь дома показалась воистину земным раем. Другие девушки были из крестьянских семейств и не извели лучшей доли. Что бы Груочь ощутила, окажись она здесь? Да и вспоминает ли о ней сестра, гадает ли, что с ней происходит?... Или она вполне довольна положением законной жены Йэна Фергюсона? Об этом Риган уже никогда не узнает...

На четвертый день они достигли Дублина и вошли в устье реки Лиффи, где ненадолго бросили якорь, ожидая прилива. Риган никогда прежде не видела города, но скопление серых бревенчатых зданий, которое и представлял собой хваленый Дублин, не произвело на нее впечатления. Гуннар Кровавый Топор тяжелым шагом направился на корму и там согнал рыдающих женщин в кучу – всех, кроме Риган и Морэг.

– А ты пойдешь со мной! – хрипло бросил он Риган.

– И Морэг тоже! – храбро сказала девушка.

– Донал Рай ее не купит. – В голосе датчанина послышалось раздражение. С какой стати он вообще объясняется с этой девицей? – Здесь представляешь истинную ценность ты одна, дева.

– Неужели ты надеешься произвести впечатление на Донала Рая только моей красотой? – невозмутимо спросила Риган. – Думаю, если при мне будет личная прислужница, это окажет должный эффект. Ведь я как-никак дочка лаэрда, Гуннар Кровавый Топор!

Гуннар секунду поразмыслил – дело принимало неожиданный оборот – и тотчас же понял, что мудрая девушка воистину жемчужина! Она была права. Донал Рай хорошо заплатит за такую покупку, к тому же его восхитит ее утонченность и стиль. Чтотто, а стиль Донал Рай всегда уважал...

– Хорошо, – согласился Гуннар, – служанка пойдет с тобой. – Он отвернулся от девушек, дал им знак следовать за ним и, услышав сзади легкие шаги, ухмыльнулся.

За спиной викинга Риган хитро улыбнулась Морэг. Девушки обдумали все заранее, еще прошлой ночью, когда остальные спали. Ни у Риган, ни у Морэг никогда прежде не было подруг, и они не желали разлучаться.

Наконец якорь был поднят на палубу, и корабль, подталкиваемый мощными взмахами длинных весел, потащился к бревенчатой пристани, куда и причалил. Женщины на борту вновь заголосили.

Гуннар Кровавый Топор глядел на них с отвращением. Затем повернулся к своему ближайшему помощнику Тору Тугому Луку:

– Продай этих кур по хорошей цене, смотри не продешеви, а я должен как можно скорее доставить эту красотку и ее служанку Доналу Раю. И не позволяй Ларсу Сребренику обвести тебя вокруг пальца! На борту десять женщин. Все они в расцвете сил: ни одна не больна, ни одна не ослабела... Это дорогой товар! Я рассчитываю получить за них кучу серебра! – Потом он повернулся к Риган и Морэг: – Ну, пошли! – И поспешил вниз по сходням, сопровождаемый двумя юными созданиями.

Девушки с интересом оглядывали другие суда, стоящие у пристани. Некоторые были куда меньше, чем тот корабль, на котором они прибыли, но другие были просто огромны и куда более красивы. Заинтересовали девушек также и люди, копошащиеся на палубах. Множество было светлокожих и русоволосых, другие смуглые, а на палубе одного корабля девушки, к величайшему своему изумлению, углядели чернокожих. Это поразило их и немного испугало.

Дублин возник на месте первого поселения викингов в Эйре. Заложен город был около ста лет назад – на месте двух кельтских поселений. Викинги звали свой город Дабб Линн, что означало «черная вода», – намекая на водовороты и омуты в том месте, где сливались река Лиффи и ее приток Пудль. Норвежцы и даны пытались в прошлом веке утвердить в городе свое господство. Однажды город был разрушен до основания племенами кельтов, но за двадцать лет полностью отстроился. Именно в Дублине основали викинги невольничий рынок. Работоторговля процветала наряду с прочими промыслами. До недавних пор людей обменивали на крупный и мелкий скот, но недавно северяне основали монетный двор и стали чеканить золотую и серебряную монету. Это облегчило торги и сделало их более захватывающими.

Войдя в город, они остановились перед величественным сооружением, выстроенным из камня и дерева. Гуннар Кровавый Топор громко стукнул в дубовые ворота здания рукоятью меча. Тотчас же скрипнули петли, и сквозь узкую щель наружу выглянуло маленькое темное личико. Когда отворивший узнал гостя, он раскрыл ворота пошире, пропуская северянина и обеих девушек.

– Приветствую тебя, Абу! – Гуннар отвесил шутливый поклон. – Вижу, боги милостивы к тебе: ты все еще процветаешь в доме Донала Рая.

– Да, я благоденствую, – отвечал маленький человечек высоким и звонким голосом.

– Никогда не видела подобных крошек! – шепнула Морэг.

– А кто этот человек? – спросила Риган у Гуннара.

– Пигмей, – последовал краткий ответ.

Риган это слово было незнакомо, и она, взглянув на одуревшую Морэг, недоуменно пожала плечами. Они находились во внутреннем двореке странного здания. Небольшое пространство было загромождено разного сорта товарами – мешками, тюками... Гуннар сделал им знак следовать за ним и малышом Абу. Они вошли в одну из дверей.

– Ждите здесь, – властно приказал Абу и, перебирая коротенькими ножками, поспешил во внутренние покои. Почти сразу же он воротился: – Входите! Хозяин примет тебя, Гуннар Кровавый Топор.

Они вошли в покои. Обе девушки были ошеломлены увиденным. Стены здесь были из отполированного до блеска дерева и все увешаны драгоценными шелками. Каменный пол сверкал. В комнате не было ни одного окна, а в очаге пылали яблоневые поленья, от которых струился аромат и приятное тепло. А светильники – таких они прежде не видывали: высокие, железные и еще на ножках! Они хорошо освещали комнату. На возвышении, под роскошным балдахином в кресле, обтянутом кожей, восседал смуглокожий человек. Он был весь какой-то удивительно округлый – и тело, и бритая голова, а лицо, начисто лишенное какой бы то ни было растительности, более всего напоминало полную луну. Мужчина казался обеим девушкам совершеннейшим чужестранцем, но когда он заговорил, то они поняли его без труда.

– С чем пожаловал ко мне ты, Гуннар Кровавый Топор? – требовательно спросил он, не тратя времени на приветствия.

На нем был чудесный шелковый наряд в пурпурную, красную, синюю и голубую полоску, а пухлые пальцы унизаны дивной красоты перстнями.

– Девушка из благородного семейства, Донал Рай. Я взял ее в монастыре на окраине Шотландии, в Стретчлайде, – почтительно отвечал Гуннар. Протянув руку, он сорвал с головы Риган накидку, открыв лицо и длинные светлые волосы, которые она так и не заплела поутру. – Эта дева стоит целого состояния. А другая – ее прислужница.

– Она непорочна? – поинтересовался Донал Рай.

– Увы, мой господин!.. – печально отвечал Гуннар. – Ее отослали в монастырь за то, что она стала любовницей мужа родной сестры.

– А ты, разумеется, удостоверился в том, что девственность ее утрачена? – сухо поинтересовался Донал Рай. Не дождавшись ответа, он покачал головой: – Это уменьшает ее цену по крайней мере вдвое. Ты сам знаешь это, Гуннар Кровавый Топор.

– В отношении любой другой девушки это было бы справедливо, господин. Но эта... – Гуннар знаком приказал Риган разоблачиться. Увидев, что она мешкает, он сам рванул ткань. – Только взгляни на нее, Донал Рай!

Теперь Риган стояла перед торговцем нагая, слегка прикрытая лишь своими роскошными волосами. Живот у нее был плоский и подтянутый, а нежные молочно-белые груди украшены розовыми ягодками юных сосков. Ноги ее были стройны, лодыжки словно выточены, а ступни узки. Повинуясь нетерпеливому знаку Гуннара, она медленно повернулась, продемонстрировав грациозный изгиб спины и твердые округлые ягодички.

– Хм-м... – Донал Рай внимательнейшим образом разглядывал обнаженную девушку. – Да, пусть она уже и не девственна, но в ней чувствуется такая свежесть...

– Это бесценный алмаз! – подначивал его Гуннар Кровавый Топор.

– Как твое имя, девушка?

– Риган Макдуфф, господин.

– Скольких мужчин ты знала, Риган Макдуфф? – спросил Донал Рай.

– Один раз я была в постели с Йэном Фергюсоном, господин, а потом мной овладел насильно Гуннар Кровавый Топор, когда я сказала, что не девственна, – спокойно объяснила Риган.

– Почему ты так бесстрашна, девушка? – Черные глаза жгли ее.

– Мне страшно, господин, но что я могу сделать, чтобы изменить судьбу? Ведь вопли и рыдания совершенно бесполезны, правда?

Торговец кивнул. У девушки большое будущее. Красота ее удовлетворит любого, даже самого взыскательного мужчину, но он уже знал, кому ее предназначит. Тому, кто сможет оценить не только ее волшебную красоту, но и необыкновенный для женщины ум.

– Она чересчур прямодушна, да еще с характером, – ворчливо сказал он Гуннару. – А рабыне полагается быть смиренной...

– Ну, спесь можно из нее и выбить, Донал Рай, – ответил невозмутимый Гуннар Кровавый Топор. – Многим мужчинам было бы даже приятно объездить строптивую кобылицу, – прибавил он с усмешкой.

– Верни девушке одежду, – приказал северянину Донал Рай. – Я уже рассмотрел ее. Она юна и свежа, но не девственна. К тому же своевольна, но, думаю, после того как я научу ее правилам поведения, я смогу кое-что на ней и заработать... Возможно, – произнес он со значением и чуть погодя спросил: – Сколько ты за нее хочешь, Гуннар Кровавый Топор, принимая во внимание то, что у нее куда больше недостатков, чем достоинств?

Гуннар Кровавый Топор назвал свою цену. Донал Рай поморщился и сделал встречное предложение:

– За эту цену я возьму у тебя их обеих – ведь если девушку разлучить со служанкой, то красавица может так расстроиться, что заболит и умрет. Плакали тогда мои денежки...

– Если ты хочешь еще и прислужницу, то увеличь цену! – отвечал Гуннар Кровавый Топор. «Не проведешь, – думал он про себя. – Вижу, как у тебя загорелись глаза – ты хочешь во что бы то ни стало заполучить это чудо. Впрочем, я так и предполагал...»

Пухлые коротенькие пальцы Донала Рая теребили шелк роскошного рукава. Если ее хорошенько вышколить – а он знал, как это сделать, – то она в точности то, что нужно ему для того, что он задумал. Этот северянин дик и упрям и вполне может продать ее в какой-нибудь кельтский дом терпимости, где за нее дадут неплохие деньги. Донал Рай предложил в полтора раза больше, и Гуннар, который не ждал ничего подобного, молча кивнул.

– Абу, проводи женщин в бани и проследи, чтобы все было исполнено как подобает! – быстро, прежде чем Гуннар успел бы передумать, бросил Донал Рай слуге. – А потом принеси мой ларец. Да, и вели Герде принести вина – мы с Гуннаром должны обмыть сделку!

– Да, хорошая сделка! – медленно промолвил северянин, все еще не веривший своему счастью. Вот удивится Юб... если узнает, разумеется. Он смотрел, как девушки выходят из комнаты, сопровождаемые маленьким Абу. – Что ты станешь с ней делать? – спросил он у Донала Рая. – Вижу, у тебя есть какой-то план...

– Я в долгу перед одним человеком – там, на родине матери, – отвечал Донал Рай. – В благодарность я пошлю ему в дар эту невольницу. Светлокожие и золотоволосые девушки у мавров в большой цене. А мой давний покровитель ценит разнообразие в женщинах. Эта ему придется по вкусу. А потом он, в свою очередь, отблагодарит меня... – Донал Рай широко улыбнулся Гуннару. – Я порядком переплатил тебе за нее, друг мой, но мне это даже приятно: покровитель мой получит воистину драгоценный дар!

– Хитрая старая лисица! – хмыкнул северянин, поняв, что Донал Рай остался в большом выигрыше.

– Будешь ли ты снова в Дублине до конца года? – поинтересовался Донал Рай.

– Думаю, нет... Я хочу попасть домой до начала летних праздников. Я собираюсь взять новую жену, а двое моих старших сыновей с хозяйством одни не справятся. К тому же моя кузина Юб, аббатиса, успеет подготовить для меня новую партию товара не раньше следующей весны. Эта красotka ведь из ее обители. А в основном монашки там из окрестных деревень, бесприданницы, от которых не чают как избавиться родные. Что, кстати, весьма удобно для нас. И если я найду там еще одну подобную жемчужину, я приберегу ее для тебя, Донал Рай! – Он добродушно хмыкнул.

Тут воротился Абу. Его крошечные ножки были согнуты в коленях, так он сгибался под тяжестью хозяйского ларца. Следом за ним вошла высокая и тонкая женщина с подносом, на котором стояли кувшин с вином и два кубка. Горящими глазами Гуннар Кровавый Топор смотрел, как Донал Рай достает из ларца серебряные слитки. Северянин ведь на деле был простолюдином, владел единственным кораблем, фермой в родной Дании и еще двумя женами. Он лихорадочно подумывал, нет ли возможности похитить тяжелый ларец, но в конце концов решил, что овчинка не стоит выделки. Дом Донала Рая полон воинов, и отсюда так запросто в случае чего не выберешься...

Служанка уже наполнила кубки и теперь стояла, выпрямившись, ожидая приказаний господина.

Донал Рай поднял свой кубок и знаком предложил второй Гуннару.

– Скооль! – произнес он обычный тост норманнов и залпом осушил кубок.

– Скооль! – эхом откликнулся Гуннар Кровавый Топор.

– Пусть на море тебе сопутствует удача! – сказал, прощаясь с викингem, Донал Рай.

Видя, что аудиенция окончена, северянин поспешил удалиться. По дороге на пристань Гуннар со странным чувством вспоминал прекрасную Риган Макдуфф. Но, увидев идущего ему навстречу Тора Тугого Лука, он приветствовал приятеля и отвлекся от мыслей о девушке...

– Что это за странное место? – спросила Риган пожилую женщину по имени Эрда.

– Как, дитя, ты не знаешь, что такое бани? – изумленно воскликнула та. – Здесь мое царство, пташки! В мои обязанности входит следить за тем, чтобы самые драгоценные рабыни Донала Рая были вымыты и ухожены и могли, не стыдясь, предстать перед очами любого мужчины.

– Дома мы купались в озере... – произнесла задумчиво Риган.

– Тебе здесь понравится, – пообещала Эрда. Потом повернулась к Морэг: – Ты тоже выкупаешься, детка, но внимательно следи за тем, что и как я буду делать: ты должна научиться купать свою госпожу. Таких невольниц, как госпожа Риган, продают в восточные страны, а там купание – это настоящее искусство!

Привел девушек в это квадратное каменное строение Абу, где препоручил их заботам пухлой пожилой женщины, которая теперь и наставляла их. По ее приказу они разделись и несказанно изумились, увидев, что Эрда тоже разоблачается. Они с не меньшим удивлением заметили, что на ее округлом теле нет ни единого волоска... Она заметила, что девушки обменялись недоуменными взглядами, и хихикнула.

– Мавры любят, чтобы женщины – и молодые, и не очень – были гладкими, словно шелк, – объяснила она. – Мать господина была мавританкой. Я прислуживала ей, когда была еще девчонкой. А в вопросах гигиены Донал Рай придерживается восточных традиций. Говорит, что это куда здоровее...

– А почему его все называют Рай? – спросила Риган. – Разве он королевских кровей?

Комната, в которой они находились, была наполнена густым горячим паром. Никогда в жизни не ощущала Риган подобного жара...

– Увы, он был единственным ребенком, которого моя госпожа подарила своему супругу. Она звала его «принцем своего сердца», когда он был ребенком. Ну и постепенно все привыкли называть его Донал Рай – Донал Принц...

Эрда плеснула воды из ведерка на дымящиеся камни – вода зашипела, и пар в комнате стал еще гуще.

– Я сейчас умру от жары... – слабым голосом пожаловалась Морэг.

– Ты скоро привыкнешь, девочка моя, – усмехнулась Эрда.

– А зачем все это? – спросила любопытная Риган.

– От пара тело потеет, а с потом удаляется грязь и многие вредные вещества, госпожа, – с готовностью объяснила Эрда.

Когда девушки покрылись испариной с головы до пят, она взяла серебряный скребок и принялась плавно и медленно водить им по телу то одной, то другой невольницы.

– Смотрите! – Эрда показала им скребок. – Вот первая грязь и отошла. А теперь пойдете в купальню.

В соседней комнате обнаружился прелестный бассейн, наполненный ароматной водой. Эрда подвела их к небольшому фонтанчику в углу комнаты. Подле него на полке стояло в ряд несколько алебастровых кувшинов. Из одного Эрда зачерпнула пригоршню полужидкого мыла и быстро растерла его по телу Риган. Мыло дало обильную пену, благоухающую лавандой. Потом женщина принялась мыть роскошные волосы Риган, одновременно дав знак Морэг, чтобы та вымылась сама. Когда обе девушки были с ног до головы намылены, она наполнила ведерко водой из фонтанчика и окатила ею девушек, смыв ароматную пену.

– А теперь, – сказала она, – избавимся от этой неприятной глазу растительности на ваших прелестных телах!

Она взяла следующий кувшин с полки, запустила в него руку и растерла какую-то розовую мазь по ногам Риган и между бедер девушки.

– А ты сама, милая! – Она протянула кувшин Морэг. – Хотя ты и не такая волшебная красotka, как твоя госпожа, но тоже достаточно хороша, чтобы околдовать какого-нибудь воина. Сделайся же еще желаннее!

Морэг хихикнула и, повинуясь приказанию банщицы, растерла розовую пасту по волосистым частям тела.

Через несколько минут Эрда взяла кусок мягкой ткани и принялась нежно стирать чудодейственную мазь. Теперь кожа Риган и вправду стала гладкой, словно шелк, – ни одного волоска не осталось на ее точеном теле. Удовлетворенная Эрда кивнула. Потом она вновь

намылила и ополоснула девушек – понятливая и расторопная Морэг теперь уже вовсю помогала ей. Потом Эрда подвела обеих красавиц к бассейну и велела им войти в воду.

– А это зачем? – вновь поинтересовалась Риган, ступая в теплую, ароматную воду бассейна.

– А затем, госпожа, что это приятно и прекрасно расслабляет, – объяснила Эрда, совершая омовение.

– Я легко смогу ко всему этому привыкнуть! – воскликнула Морэг, плещась в водичке. – Не знала, что в мире существуют столь замечательные вещи!

– Да! – откликнулась Риган. – Это и вправду удивительно приятно.

Услышав их разговор, Эрда хмыкнула и тоже вошла в бассейн.

– Это только начало, девушки! Мир, который вскоре откроется вам, таков, что вы и представить себе не можете!

– А вы-то откуда знаете? – удивилась Риган.

– Разве я не сказала, что служила в доме матери господина? Дважды я сопровождала ее в поездках на родину. Ее родной город называется Кордова, а область ту мавры называют Аль-Андалус. В жизни не видела такого сказочного города!

– А откуда ты знаешь, что мы попадем туда? – спросила Риган.

Эрда хмыкнула, показав беззубые десны.

– Я знаю обо всем, что происходит в этих стенах, и обо всем, что должно случиться, – похвасталась она. – Уже больше года господин мой искал красавицу рабыню, чтобы послать ее в дар правителю Кордовы. Он в неоплатном долгу перед калифом. – Она вышла по мраморным ступеням из бассейна и отряхнулась.

– А кто такой «калиф»? – спросила Риган.

– Это титул правителя Кордовы, – объяснила Эрда. – А ты, моя красавица, – именно то, что господин так долго искал. Ты увидишь Кордову еще в этом году, попомни мои слова! А теперь пойдем – мы с тобой еще не закончили.

Она проводила девушек в комнату, уставленную мраморными лавками. Там она принялась обучать Морэг искусству массажа, объясняя, каким маслом в каком случае пользоваться. Она показала служанке, как правильно подстригать ногти на руках и ногах госпожи. Наконец они расчесали длинные золотые косы Риган, слегка умастив их ароматным маслом, а потом до блеска натерли их шелковой тканью – и волосы засияли в лучах светильников. Пока Морэг вытирала свои волосы, Эрда подошла к шкафчику и достала свежие и чистые одежды для обеих девушек. Морэг она предложила мягкую сорочку из хлопка, бирюзовую нижнюю тунику и алую верхнюю из мягкого льна. А Риган почтительно протянула шелковую сорочку, телесного цвета нижнюю тунику, а потом верхнюю – голубого атласа, расшитую золотыми анемонами.

Нежные пальчики Риган пробежали по золотому шитью.

– У меня никогда не было платья такой дивной красоты! – восхищенно сказала она.

– О, это только для начала, моя госпожа! – уверила ее Эрда. – Ты молода и удивительно красива. А если тебя как следует всему обучат, ты приведешь калифа в неописуемый восторг! Наверняка он полюбит тебя всем сердцем! А если родишь ему сыновей, то будущее твое обеспечено. Разумеется, тебе придется затмить всех его женщин, а их у него множество. И каждая из кожи вон лезет, чтобы завоевать его любовь, привлечь к себе внимание владыки... Законы гарема жестоки. Госпожа моя много раз мне об этом говорила и была рада, что вышла наконец за лорда Фергюса. Климат севера был ей вреден, но она была счастлива, что оставила гарем. И все же такой юной красавице, как ты, в гареме самое место. Ты станешь там жемчужиной!

И Эрда повела двух безмолвных девушек назад, в покои Донала Рая.

Господин был поглощен ужином, но, завидев красавиц, улыбнулся и поманил их пальцем.

– О-о-о! – На круглом лице его было написано удовлетворение работой Эрды. – Старуха, как всегда, выше всяческих похвал! Да ты колдунья, Эрда! Не будь ты таким сокровищем, я давно нашел бы тебе мужа! Какого-нибудь морячка, который бы ночи напролет ублажал тебя, а? – Он добродушно расхохотался.

Беззубый рот Эрды растянулся в улыбке.

– Вы никогда не избавитесь от меня, господин. Я слишком вас люблю!

Донал Рай довольно хмыкнул. Она напоминала ему о его прошедшей молодости, к тому же это была память о покойной матери.

– Отведи прислужницу... как зовут тебя, девушка? – Морэг, потупившись, прошептала свое имя, и Донал Рай продолжал: – Так вот, Эрда, отведи Морэг на кухню и проследи, чтобы ее хорошенько накормили. Когда вы понадобятся, я пошлю за вами. Присядь, Риган, и раздели со мной трапезу. Налей-ка себе вина, девушка! – И он протянул ей поднос с аппетитными кусками жареного кроличьего мяса.

Риган взяла ломтик свежего хлеба, кусочек кролика и серебряный кубок с вином. Она старалась есть как можно аккуратнее, лихорадочно припоминая все то небольшое, что знала о хороших манерах. Но все же вино она прихлебывала шумно и жадно. Оно было крепкое и сладкое, и по ее жилам словно заструился огонь, вливая силы в ее усталое тело.

– Хочешь сыра? – Донал Рай протянул ей кусочек белого сыра на кончике ножа.

– Благодарю, господин, – отвечала она скромно, беря угощение и деликатно откусывая кусочек. Утолив первый голод, она жевала уже медленнее. Вдруг она обнаружила, что подле нее стоит малыш Абу. Она даже не заметила его присутствия. Он почтительно протягивал ей чашу, наполненную теплой ароматной водой. Она вопросительно взглянула на Донала Рая.

– Сполосни руки, – велел он. – Ты ведь не хочешь испачкать такое прелестное платье, правда? Омовение рук после трапезы – это мавританский обычай.

– И он мне по душе, – отвечала она, смывая с рук кроличий жир и сырные крошки.

– Полагаю, старая Эрда уже нашептала тебе, что я намереваюсь послать тебя своему другу, калифу Кордовы, – не смей отрицать! Эта удивительная старуха знает обо всем, что происходит в доме, – порой даже раньше, чем я сам. И охотно делится тем, что знает, с благодарными слушателями.

Риган рассмеялась:

– Она очень мне понравилась. Эрда добра, господин, – а в этом мире это свойственно немногим... Да, она рассказала мне, а потом объяснила, кто такой калиф, но вот одного я так и не поняла... Что это такое – гарем? И чему такому меня должны хорошенько обучить? Я чем-то не угодила вам?

– Гарем, – принялся растолковывать девушке Донал Рай, – это такое место, где мавр содержит всех своих женщин – жен, дочерей, родственниц, наложниц...

– Ну, жены, дочери, родственницы – это я понимаю. Но слово «наложница» я слышу впервые. Что это за странные существа, господин? – Изумление ее было совершенно неприкрытым.

– Слово «наложница», – Донал Рай произнес его очень отчетливо, – происходит от слова «ложе». Так называют женщину, которая доставляет господину физическое удовольствие и массу других. Господин наслаждается ее игрой на музыкальных инструментах, ее сладким пением – и даже дружеской беседой с ней о том, что заботит его и печалит. Она может стать близким его другом, а если родит ему детей, то станет господину еще дороже.

– Теперь понимаю... – Риган и вправду все поняла.

– Калиф Кордовы – могущественный правитель, – продолжал Донал Рай. – У него множество женщин. Чтобы заинтересовать его и не дать этому интересу угаснуть, ты, Риган,

должна постичь искусство приносить и получать наслаждение, как ни одна из его женщин. Я хочу послать Абдаль-Рахману в дар не просто очередную красавицу, способную украсить его гарем, нет, я подарю ему Рабыню Страсти! А чтобы стать таковой, ты должна в совершенстве овладеть искусством Эроса и научиться соблазнять, возбуждать страсть, поэтому вскоре тобой займется человек, который превзошел эти искусства.

На свете есть лишь один человек, которому я без колебаний доверю тебя. Это младший сын одного из моих друзей. Он владеет кораблем, совершающим рейсы между Эйре, Аль-Андалус и северным побережьем Африки, где и расположен его родной город Аль-Малика. Вскоре он прибудет в Дублин: он всегда приезжает летом погостить. Так вот, я хочу, чтобы ты уехала с ним. А когда он почувствует, что ты достигла высочайшего уровня мастерства, на который только способна настоящая Рабыня Страсти, тогда он и преподнесет тебя в дар калифу от моего имени. Ну а пока он еще не прибыл, отдыхай и набирайся сил. Ты многое пережила, Риган Макдуфф, но знай, что ты величайшая драгоценность и среди женщин тебе нет равных! – закончил Донал Рай с улыбкой, озарившей все его круглое лицо.

– Не знаю, смогу ли я стать тем, чем вы хотите меня видеть, мой господин, – медленно, словно раздумывая, сказала Риган. – Я не знаю, как дарить наслаждение мужчине, и, думаю, никогда не смогу испытать того наслаждения, о котором вы говорите... Ведь я не получала удовольствия от соития с мужчиной, а вы говорите, что я должна была наслаждаться, да еще и ублажать... Не представляю, как такое возможно, Донал Рай. Может быть, лучше все-таки вам продать меня какому-нибудь кельтскому военачальнику, он сделал бы меня прислугой... Я сильна и могу без усталости работать, и моя Морэг тоже. Если же вы станете упорствовать, то я наверняка горько вас разочарую, к тому же уроню в глазах калифа, а ведь вы так добры ко мне...

Донал Рай потрепал растерянную девушку по руке, стараясь ее успокоить:

– Не переживай так, Риган Макдуфф. Сейчас я кое-что тебе объясню, попытайся понять. Ты узнала физическую сторону страсти лишь дважды, и притом с худшей стороны. Муж твоей сестры наверняка не имеет ни малейшего представления о том, как любить женщину. Он стремится лишь к тому, чтобы потушить огонь, пылающий в его чреслах. А умный мужчина хорошо знает, что чем больше наслаждения доставит он женщине, тем слаще станет любовь для него самого... И поэтому всегда стремится воспламенить женщину страстью. Что же до Гуннара Кровавого Топора, то этот дикарь хотел лишь позабавиться, а заодно и проверить, не солгала ли ты ему... И плевать ему было на то, что чувствуешь ты. Ни один мужчина еще не тронул твоего сердца, твоей души. Ты и представления не имеешь о том, как сладка бывает любовь, но верь мне, моя красавица, вскоре ты это узнаешь.

...Разумеется, Риган ему не поверила. Она знала лишь, что он пытается усыпить ее страхи. Она была поражена его добротой. Ведь никто еще не разговаривал с ней так... так ласково и успокаивающе. Но Риган лишь надеялась, что он как можно позже убедится, что она и вправду не может испытывать наслаждение от плотской любви. Она с грустью вздохнула – впервые за всю жизнь ей было так тяжело... Что станет с ней? И с малышкой Морэг?

Правда, грусть ее не могла долго продлиться, ведь она жила в чистоте, тепле и сытости, подобных которым не извела прежде ни разу за всю жизнь... А в лице Морэг она обрела настоящую, верную и преданную подругу – девушка была безгранично благодарна госпоже за то, что та избавила ее от участи простой рабыни. Прислушиваясь к разговорам других женщин на корабле, Морэг успела понять, что лучшее, на что она могла надеяться, будучи выставленной на продажу на невольничьем рынке в Дублине, – это на участь прислуги в каком-нибудь доме. Ну а худшее... Она попала бы в грязный портовый бордель – там всегда есть нужда в женщинах: ведь там они мрут как мухи, продержавшись год или от силы два...

Донал Рай милостиво предоставил им свободу передвижения по своему дому. Они не жили затворницами, а мирно прогуливались по внутреннему дворику, по гравиевым

перекрещивающимся дорожкам прелестного садика, присаживались на мраморные скамеечки отдохнуть и поболтать. В садике цвели поразительной красоты дамасские розы, нежные бутоны уже вовсю распускались, издавая пьянящий аромат. Разросшийся розовый куст словно вился по стене, а самые любопытные ветви даже выглядывали на улицу. А в том месте, где перекрещивались ухоженные дорожки, в центре круглого бассейна мирно журчал фонтан.

Девушки частенько прогуливались по широкой стене, отделяющей сад от городских улиц, с интересом наблюдая за прибывающими в гавань кораблями. Среди них были и небольшие каботажные суда, и более крупные, самых разнообразных видов пассажирские и рыбачьи, и утлые лодчонки, бесстрашно бороздившие воды Лиффи. Каждый день старая Эрда водила их в свое царство чистой воды и благовоний – и они наслаждались купанием. Риган никогда прежде не знала, что кожа ее так нежна и шелковиста. Порой она думала о Груочь – и от всего сердца желала, чтобы сестра испытала подобное наслаждение. Но шестое чувство подсказывало Риган, что Груочь не думает о ней. Да, сестра навеки потеряна для нее...

Однажды, гуляя по стенам, окружающим дом Донала Рая, и любуясь морем, девушки увидели большой и необыкновенно красивый корабль, входящий в гавань Дублина. Это было очень грациозное судно, не менее двухсот футов в длину, в «латинском» духе, с треугольным парусом – шелковым, расшитым золотом, в яркую зеленую полоску. Корабль вошел в устье реки, подплыл к пристани – и вовсю захлопотали матросы, закрепляя толстые канаты. Обе девушки изумленно смотрели на корабль.

– Никогда прежде не видела ничего прекраснее! – выговорила наконец Риган.

Морэг нечего было возразить.

– Чудесный корабль, легкий и сильный, это сразу видно...

К ним незаметно подошла старая Эрда и сразу поняла, что привлекло их внимание.

– Это «И-Тимад», корабль Карима-аль-Малики, доброго друга нашего хозяина. Его-то мы и ждем...

– А что значит «И-Тимад»? – спросила Риган у Эрды.

– «Надежда», – последовал ответ. Потом старуха засуетилась: – Пойду-ка и прослежу, чтобы в бане все приготовили для молодого господина. Он-то знает толк в банях – ведь господин истинный мавр! Он провел много недель в море и телом и душой истосковался по пресной воде и благовонным маслам. А вы оставайтесь здесь, мои цыплятки. Скоро сами увидите Карима-аль-Малику. Скорее всего он явится в сопровождении своего первого помощника и ближайшего друга Аллаэдина. – Старуха хихикнула: – Этот дьявол Аллаэдин просто обворожителен! – И поспешила в свое царство.

Девушки присели на теплые камни, поглядывая на улицу, болтая о всякой ерунде и просто наслаждаясь погожим летним деньком. И вдруг в конце улицы показались двое мужчин. Они шли со стороны гавани. Оба были облачены в просторные и длинные белые хламиды. Когда они достигли ворот дома Донала Рая, один из них поднял глаза и обаятельно улыбнулся девушкам. Риган скромно отвернулась, но Морэг с готовностью ответила улыбкой этому незнакомцу с угольно-черной бородой и сверкающими темными очами. А когда тот послал ей воздушный поцелуй, она хихикнула.

– О, это лихой кавалер! – шепнула она Риган. – И явно дамский угодник...

– А как ты догадалась? – спросила Риган. – Ведь ты почти всю жизнь провела в монастырских стенах. Что можешь ты знать о мужчинах?

– Мать Уна всегда говорила, что я гожусь больше для замужества, нежели для монастыря. Так уж я устроена от природы, – честно призналась Морэг. – Она даже собиралась подыскать мне подходящего жениха – сына какого-нибудь пастуха из окрестных сел. Она обещала мне в приданое из монастырской казны по серебряной монетке за каждые три года,

что я там провела, и еще белья... Мать Уна говорила, что пятнадцать лет – самый подходящий брачный возраст, но потом, когда она разболелась, мать Юб и слышать об этом не хотела. Говорила, что пяти серебряным монеткам можно найти куда лучшее применение... Старая сука!

– А скажи, мать Уна рассказывала тебе о том, что и как происходит у мужчины с женщиной? – начала прощупывать почву Риган.

– Да. Она не делала из этого тайны. Так уж Господь устроил, что же тут стыдного? – стала объяснять ей, как маленькой, Морэг. – Она иногда выпускала меня погулять за стены обители в хорошую погоду. Я даже порой видела молодых людей, и некоторые мне о-очень нравились, но я оставалась добродетельной... хотя несколько раз испытала искушение! – договорила она со смешком.

Риган была удивлена: Морэг ведь не больше тринадцати, а она вовсе не испытывает страха перед мужчиной! Разумеется, она целомудренна. Не ведает она, какую боль и унижение причиняет мужская похоть, как беспомощна бывает женщина в мужских руках... Риган размышляла: сказать подруге или нет?... Нет. К чему пугать девушку? Вряд ли той когда-нибудь придется испытать подобное унижение, безвольно покоряясь бесстыдным желаниям грубого самца. Положение служанки при ценной рабыне избавит малышку от этого кошмара, от этой безграничной жестокости... Не надо ей ни о чем знать...

В тот же день их повели в баню, и Риган показалось, что Эрда хлопочет вокруг нее с удесытеренным рвением. Встав на колени, старуха придирчиво осмотрела все тело девушки, ища малейшие признаки ненужной растительности. Затем, с трудом поднявшись на ноги, она обошла вокруг девушки, а потом протянула ей подносик – на нем лежали листья петрушки и мяты.

– Медленно разжуй их, – велела она Риган. – Это сделает твое дыхание благоуханным, моя ласточка. У тебя чудесные зубки, ни на одном не видно следов порчи. Ты счастливица: у многих хорошенькие мордашки, но, увы, гнилые зубы...

– Но для чего все это? – требовательно спросила Риган.

– Дитя, сегодня ты предстанешь перед Каримом-аль-Маликой. Так приказал господин. Карим-Аль-Малика станет твоим учителем в искусстве наслаждений...

Риган похолодела. Последние дни были столь прекрасны и безмятежны, что она совсем забыла о том, что ее ожидает. Но ведь Донал Рай предупреждал ее – надо отдать ему справедливость...

– Ну-ну, пошли! – поторопила их Эрда, и они гуськом вышли из бани. Она привела их в большую квадратную комнату, всю заставленную сундуками. – Это гардеробная самого господина, мои курочки. Он сказал, что я могу облачить вас по собственному вкусу, и я уже знаю, что подобрать для моих красавиц. Морэг, дитя мое, открой вон тот сундучок.

Морэг подняла тяжелую крышку – и задохнулась от восхищения. Сундук был доверху наполнен разнообразными тканями, одна красивее другой. Эрда склонилась и достала наряд из белоснежного шелка, который тут же вручила Морэг.

– Это туника, – объяснила она. – Разденьтесь-ка обе. Вот так. Теперь надевай это, Морэг. Не удивляйся и не смущайся – платье без рукавов, но так и должно быть.

Старуха помогла девушке натянуть платье через голову. Оно спадало изящными складками до самых щиколоток девушки, а в вырезе виднелась нежная ямочка на шее. Потом Эрда открыла небольшую шкатулку и достала оттуда несколько шпилек, украшенных самоцветами. Обвив темные косы вокруг головки Морэг, она закрепила их шпильками. Затем достала из сундука витой серебристый шнурок и обвила им тонкую талию девушки.

– Вот! – сказала она удовлетворенно. – Теперь ты достойна своей госпожи, деточка.

Морэг сияла:

– О-о-о, госпожа! Ну разве не прелестно?

– Да... – Риган улыбнулась в ответ. – И впрямь ты просто прелесть! Как жаль, что не в моей власти выдать тебя замуж за сына пастуха...

– Какой еще пастух? – искренне возмутилась Эрда. – Она достойна лучшей доли, господа! А теперь поглядите-ка, что я припасла для вас!..

Старуха достала из сундука воздушный наряд из сверкающей ткани, собранной в мелкие складочки. А цвет... Не серебро и не золото – тут соседствовали и яркость золота, и нежность серебра... И какая-то удивительная прозрачность... Эрда помогла Риган надеть это чудо из чудес. Платье оказалось с длинными, ниспадающими до самых запястий рукавами, но распахнутое спереди. Эрда заколола одну полу дивного наряда золотой булавкой на правом плече девушки. Потом отступила, любуясь делом своих рук и приговаривая:

– Мм-м... Хм-мм... То, что надо!

Затем старуха собрала роскошные волосы Риган на затылке и связала их изукрашенной самоцветами шелковой лентой.

– Когда господин подаст знак, – наставляла она Морэг, – потяни вот тут – и волосы рассыплются.

Потом Эрда надела Риган на лоб шелковую ленту, расшитую отборными жемчужинами.

– Но ведь платье не скрывает наготы... Оно такое прозрачное! – волновалась Риган.

– Да-да, – соглашалась Эрда. – Прозрачное, но не совсем... Это платье должно возбуждать. А господину того и надобно. – Она снова повернулась к Морэг: – Послушай меня, дитя. Когда Донал Рай даст тебе знак, расстегни эту золотую булавочку на плече госпожи и помоги ей освободиться от платья. Но делать это следует очень грациозно – неуклюжесть тут неуместна. Все очень просто. Попробуй-ка... Да, именно так! Ты схватываешь все на лету, моя способная девочка! Госпожа должна дорожить такой служанкой. А теперь подойди сзади и медленно снимай... Госпожа, поднимите вверх руки и заложите их за голову. Грудки ваши поднимутся и станут еще красивее...

Риган скрипнула зубами, но подчинилась. Эрда ни в чем не виновата. Она просто исполняет приказание. Это все Донал Рай – и он об этом пожалеет, о, пожалеет! Когда они будут рассматривать ее, словно какую-нибудь корову на ярмарке, она взбунтуется. И этот Карим-Аль-Малика сразу поймет, что она никогда не станет Рабыней Страсти! Доналу Раю придется продать ее какому-нибудь домовладельцу, в доме которого она сможет жить, пусть работая до седьмого пота, но не теряя достоинства!

– Чудесно, моя милая, – одобрительно сказала Эрда. – Да у тебя просто талант, помани мои слова, ты далеко пойдешь! Вечером господин будет тобой весьма доволен. А теперь походи и отдохни – я скажу, когда надо будет переодеться. Морэг, детка, возьми платье госпожи...

В столовой Донала Рая полным ходом шла дружеская беседа. Ярко пылали ароматные дрова в очаге. За столом сидели трое мужчин. Во главе стола восседал Донал Рай. По левую руку от него сидел первый помощник капитана «И-Тимада» Аллаэддин-бен-Омар. Это был довольно крупный и крепкий мужчина с бородой, черной как ночь, и агатовыми глазами. Тот, кто ошибочно считал его добродушным признаком недалекого ума, обычно кончал свой жизненный путь с ятаганом в сердце. Аллаэддин был преданным другом, но опасным врагом...

По правую же руку от хозяина сидел сын его лучшего друга Хабиба-ибн-Малика – молодой капитан по имени Карим.

Мужчины уже насытились и недурно выпили. Разговор о делах они, по общему согласию, решили отложить. «И-Тимад» привез в Эйре груз ценных товаров из Аль-Андалус и других крупных мавританских городов. Обратный корабль должен был возвращаться, груженный шерстью-сырцом, кожами, изделиями искусных кельтских кузнецов, драгоценностями

и, конечно же, рабами... Донал Рай уже изложил своему молодому другу особую причину, в связи с которой он задерживает его, уставшего с дороги...

– Ты знаешь, что я в долгу перед калифом Кордовы, мой Карим. Я многим ему обязан. Если бы не его покровительство, я не был бы сейчас так богат... Я никогда не смогу расплатиться с великим калифом за все те благодеяния, которые он мне оказал. Но все же хочу кое-что послать Абдаль-Рахману в знак моего глубочайшего почтения и безмерной благодарности. Долго, очень долго искал я подарок, достойный нашего властелина. Зная пристрастие калифа к изысканным женщинам, я пытался отыскать такую, которая смогла бы стать Рабыней Страсти. Обыкновенная рабыня, сколь бы красива она ни была, не годится для такого случая. И вот несколько дней назад по чистой случайности моей собственностью стало дивное создание. Она совсем юная, уроженка Шотландии, дочь благородного лаэрда...

– ...девственница, которая будет, рыдая, взывать к своему Богу, моля послать ей смерть, предпочитая ее объятиям неверного, – сухо договорил Карим-Аль-Малика.

– Она не девственница. – Ответ Донала Рая несказанно изумил обоих гостей. Тогда он поведал им всю печальную историю Риган Макдуфф и в заключение сказал: – Я хочуверить ее твоим заботам, Карим, сын лучшего моего друга. Ты ведь Учитель Страсти. Всем известно, что ты превзошел все тонкости любовного мастерства в тайной школе в Самарканде. Возьми эту девушку и сделай из нее настоящую Рабыню Страсти для нашего калифа. Благодарность моя будет безгранична.

Карим-Аль-Малика помолчал, раздумывая. Потом сказал:

– Мне крайне неприятно отказывать тебе, Донал Рай, но у меня из головы не идет та девушка, последняя моя ученица... Глупое создание полюбило меня всем сердцем. Бедняжка предпочла покончить счеты с жизнью, чем стать невольницей другого... Все это было неимоверно досадно, к тому же мне пришлось расплачиваться с тем, для кого она была предназначена. Настоящий Учитель Страсти никогда не допустил бы подобного. Я плохо выполнил свой долг. И теперь мне ненавистна сама мысль о том, чтобы лезть снова в это ярмо...

– Ну, с тех пор прошло уже пять долгих лет, мой молодой друг. К тому же девушка была неуравновешенной. А эта... О, эта другая... Эта горда и неукротима. Ее можно согнуть, а вот сломать невозможно. Риган обещает стать сильной женщиной. Но чтобы покорить сердце Абдаль-Рахмана, ей необходима твоя наука... Даже Рабыни Страсти для него недостаточно. Она должна околдовать его, народить ему детей...

Карим тяжело вздохнул:

– Не знаю...

– Позволь хотя бы показать тебе девушку! – с хитринкой в глазах предложил Донал Рай. – Не отказывай мне сразу, вначале взгляни на нее, ощути этот бешеный темперамент... Абу! – Хозяин подозвал пигмея. – Быстро приведи сюда госпожу Риган и ее прислужницу!

Гости от души расхохотались над поспешностью Донала Рая.

– Ты так уверен, что Карим растает, Донал Рай! – воскликнул Аллаэддин-бен-Омар. – Что, девушка и вправду так прекрасна?

– Как луна и солнце, вместе взятые! – напыщенно произнес Донал Рай.

Это сравнение крайне позабавило Карима.

– Ты говоришь, как истинный мавр! Но помни, я ничего не обещал тебе, друг отца моего!

– Поживем – увидим... И если она с первого же взгляда не околдует тебя, ты не тот, кем я тебя всегда считал!

Аллаэддин-бен-Омар утробно хохотнул. Эта лисица Донал Рай бросил Кариму-аль-Малике вызов, который тот обязан принять! Уязвил его мужскую гордость!

Двери покоя распахнулись. Это вернулся Абу и с ним две женщины. Глаза Аллаэдина заискрились при виде Морэг. Впервые увидев ее нынче поутру, он нашел девушку необы-

чайно соблазнительной. Лицо другой было в тени – наверняка так и было задумано. Гости не могли разглядеть ее черт, пока она не подняла голову и не взглянула прямо на них. Аллаэддин-бен-Омар громко присвистнул от восхищения. Да, Донал Рай не солгал им... Девушка красотой затмевала всех, когда-либо виденных ими! Аллаэддин бросил взгляд на Карима – но лицо капитана, как всегда, было непроницаемо спокойно.

...Хотя казалось, что Риган смотрит на обоих гостей, на деле же она видела лишь Карима-аль-Малику. Никогда прежде не видала она столь красивого мужчины! Овальное лицо, высокий лоб, прекрасно вылепленные скулы – и при этом тяжелый мужской подбородок, свидетельствующий о силе духа. Нос продолговатый и тонкий, трепещущие ноздри... Губы твердые и красиво очерченные. В отличие от друга Карим был гладко выбрит. Черные изогнутые брови лишь подчеркивали яркий сапфировый блеск глаз. Волосы темно-каштановые, почти черные. Зачесаны назад. Риган не могла понять, насколько они длинны...

– Сними с нее одежды, Морэг, – пробудил ее к действительности голос Донала Рая.

– Нет, – сказал вдруг Карим-Аль-Малика. – Я сам.

Он подошел к Риган. Словно завороченная, глядела она прямо ему в глаза, а тем временем могучая мужская рука расстегивала золотую булавку на ее плече. Она мельком успела заметить овальные, прекрасной формы ногти... На этом красивом лице не отражалось ровным счетом никаких чувств. Потом он кивнул Морэг – и та медленно и грациозно стянула полупрозрачную тунику с тела Риган, как ей и было велено. Теперь губы Карима-аль-Малики чуть тронула улыбка. Это было великолепно исполнено... Он повернулся к Доналу Раю:

– Кто эта девочка?

– Морэг – личная прислужница госпожи Риган.

– Она весьма искусна, – отметил капитан, и снова его внимание сосредоточилось на Риган. Затем он заговорил, но очень тихо, обращаясь к ней: – Я вижу бурю в этих аквама-риновых очах, Зейнаб. Но ты покоришься мне, ведь если ты заупрямишься, то огорчишь твоего доброго господина Донала Рая. А теперь заложи руки за голову – я хочу разглядеть твои груди.

– Нет, – отвечала она так же тихо. – Я заставлю Донала Рая продать меня какому-нибудь кельту и стану прислугой...

– Он продаст тебя в самый грязный портовый бордель Дублина – так он сможет куда больше выручить, – спокойно и ласково отвечал Карим. – И не успеет Донал Рай покинуть заведение, как между твоих ног будет уже копошиться какой-нибудь вонючий и грязный матрос. А потом... Через год ты умрешь от изнеможения и какой-нибудь скверной болезни. Тебя устраивает такое будущее?

И Риган, и Морэг окаменели.

– Донал Рай никогда так со мной не поступит, – вымолвила трепещущая Риган. – Он добр...

– Но лишь потому, что ты представляешь для него большую ценность, Зейнаб. А теперь подними руки и заложи их за голову, как я велю!

Их взгляды скрестились, словно сверкающие лезвия мечей. Но мужчина победил, и Риган неохотно повиновалась... Из груди Морэг вырвался вздох облегчения. Карим отступил шага на два и принялся лениво любоваться телом Риган. Но взгляд его был лишь оценивающим – в нем вовсе не было похоти. Потом, протянув руку, он принялся ощупывать белую грудь девушки. Щеки Риган вспыхнули. Она закусила губу, вздрогнув от прикосновения мужской ладони к своему телу, но и в этих интимных касаниях не было ничего грязного и порочного...

– Не хотите ли, чтобы я открыла рот и показала зубы? – мрачно пробормотала она.

– Не спеши, – спокойно отвечал Карим. – А теперь повернись спиной, опускай руки... Медленнее, Зейнаб. Тебе, как я вижу, придется постичь науку терпения.

Риган послушно повернулась, но успела спросить:

– Почему ты так странно зовешь меня, господин? Зейнаб...

– На мавританском языке это значит «прекраснейшая», – объяснил он. – У тебя должно быть мавританское имя, и я тебе дал самое подходящее.

Глаза его скользнули от покатых плеч к ее округлым ягодицам. «Словно две половинки твердого молодого персика, – подумал он. – Изгиб спины очень грациозен... Она высока для женщины, но не чересчур. И больше за счет длинной и гибкой талии, нежели ног... Какие изящные щиколотки!..» Встав на колени, он приподнял одну ногу Риган. Узкая ступня, высокий подъем... У девушки тонкая кость. Сложена она дивно. Да, Донал Рай не солгал. Луна и солнце...

Карим поднялся и развязал ленту, поддерживающую ее волосы. Их золотой шелк рассыпался по плечам и заструился по спине, закрыв копчик. Он коснулся этих дивных волос – нежны, словно бесценные китайские шелка...

– Повернись теперь снова ко мне лицом.

Когда она повиновалась, он приказал ей открыть рот.

Риган пришла в неопишуемую ярость. Она ведь думала, что он шутит... Теперь она совсем было вознамерилась грубо отказать этому бесцеремонному и странному человеку, но увидела глаза Морэг, полные мольбы и слез... И Риган подчинилась.

Карим заглянул ей в рот, отметив, что все зубы на месте и ни на одном из них нет порока. Дыхание ее свежо. Это хороший признак. Потом взял девушку двумя пальцами за подбородок и стал поворачивать голову из стороны в сторону, на сей раз придирчиво осматривая кожу – что ж, кожа нежна, прозрачна и вполне здоровая. Точеный носик, чувственный рот и прелестный цвет глаз. Настоящий аквамарин, притом чистейшей воды.

Отпустив подбородок Риган, он как ни в чем не бывало обернулся к собеседникам, все еще сидящим за столом.

– У девушки недурные возможности, Донал Рай, и у нее сильная воля, ты не ошибся.

– Так ты возьмешь ее на выучку, Карим? Я никому другому ее бы не доверил. Я знаю двоих важных господ в Аль-Андалус, владеющих Рабынями Страсти, которых вышколил ты, Карим. Эти девушки настолько околдовали своих повелителей, что те воздают им все возможные почести. Девушек зовут Айша и Субх. Ты занимался ими лет семь тому назад...

– Я помню их обеих, – отозвался Карим. – Айшу продали какому-то богачу из Севильи, Субх же попала напрямую к королю Гранады. И от того, и от другого я получил в благодарность богатейшие дары. А тут как раз мне и прислали эту злополучную девушку, которая потом убила себя... С той поры я не обучил ни одной, Донал Рай...

– Но вышколишь эту, не правда ли, Карим? – хитро усмехнулся Донал Рай.

Молодой человек рассмеялся, сдавая позиции:

– Хорошо, добрый друг отца моего, я вышколю для тебя Зейнаб. А когда она всему научится, я сам отвезу ее ко двору калифа Абдаль-Рахмана и преподнесу ему от твоего имени. Но предупреждаю: с ней мне придется нелегко. Я вижу, как она горда и свободолюбива, я не встречал еще таких ни среди мужчин, ни среди женщин...

– Ты дал ей прекрасное имя! – широко ухмыльнулся Донал Рай. – Зейнаб... Оно мне по нраву! И подходит тебе, Риган Макдуфф. Сейчас я в последний раз называю тебя именем, данным тебе матерью при рождении. Морэг, одень госпожу и отведи ее в особый покой, который для нее приготовлен. Эрда проводит тебя, девочка. – Потом он повернулся к Кариму: – Теперь эта девушка в полном твоем распоряжении. А сейчас продолжим беседу, друзья мои...

– Завтра, Донал Рай, – отвечал капитан. – Мы пробыли в море не одну неделю. Ты меня понимаешь? Теперь нам надобно лишь общество искусных куртизанок. Сегодняшний вечер, с твоего позволения, мы с Аллаэдином посвятим плотским утехам, а с завтрашнего дня я начну образовывать Зейнаб. Теперь я это тебе обещаю, старый друг отца моего, Донал Рай! Так решено? – Карим протянул хозяину руку, и Донал Рай сердечно пожал ее.

– Решено, Карим-Аль-Малика! – произнес он. – Абу, отведи женщин и препоручи их заботам Эрды.

Риган и Морэг вывели из комнаты. Когда они удалились, Аллаэдин спросил Донала Рая:

– Ты не возражаешь, если я займусь воспитанием этой малышки с толстыми косичками? Она заставила забиться мое сердце. Сколько ей лет?

– Вполне достаточно! – хохотнул Донал Рай. – У нее уже бывают регулярные истечения, как сказала Эрда, но предупредила, что она еще девственна.

– Приятно будет быть у нее первым! – чистосердечно признался Аллаэдин-бен-Омар.

– О, ты проторишь другим дорожку! – снова хихикнул Донал Рай, и все расхохотались.

Риган и Морэг слышали взрыв мужского смеха, идя за безмолвным малышом Абу на женскую половину, где их поджидала старая Эрда. Когда малютка передал их с рук на руки старой женщине, Риган дала волю чувствам.

– Можно подумать, будто я кобыла! Или корова на продажу! – бушевала она. – Ненавижу этого человека! Он ужасен! Омерзителен! Он даже посмел заглянуть мне в рот! Нюхал мое дыхание, Морэг!

– А мне он показался очень вежливым и милым, – осмелилась возразить Морэг.

– Милым?! – прошипела Риган.

– Он вовсе не был жесток, госпожа, – осторожно возразила служанка. – И ни разу в его глазах не блеснула похоть...

– Как это ты заметила, моя милочка? Ты была слишком занята флиртом с его чернобородым дружкой! – отрезала Риган.

Морэг захихикала, признавая свою вину:

– Но он так хорош собой, госпожа, к тому же он отвечал мне взаимностью...

– А Карим-Аль-Малика запускал руку тебе между бедер? – поинтересовалась вдруг Эрда.

– Что-о-о-о? – задохнулась от ужаса Риган.

– Ну, трогал он тебя между ногами? – повторила Эрда. – Касался ли потаенных местечек?

– Нет! – Риган пришла в ужас от одной этой мысли.

– Тогда с чего это ты взбеленилась, моя курочка? – невозмутимо спросила старая женщина. – Он просто осматривал тебя. Разве это преступно – любоваться прекрасной девой?

– Он ощупывал мои груди! – выпалила Риган.

– Чтобы ощутить, достаточно ли упруга твоя плоть, – спокойно отвечала Эрда.

– Я не вещь и никому не принадлежу! – зло воскликнула Риган.

– А вот тут ты жестоко ошибаешься, моя птичка. – Эрда была невозмутима. – С того момента, как Гуннар Кровавый Топор продал тебя Доналу Раю, ты стала его вещью.

– Но этот проклятый викинг не имел никакого права меня продавать! – запротестовала Риган. – Моя семья отослала меня в обитель Святой Майры...

– Что означало, – продолжала Эрда, – что ты поступаешь под опеку аббатисы, матери Юб, которая и продала тебя Гуннару, а тот, в свою очередь, – Доналу Раю. А господин препоручил тебя Кариму-аль-Малике, чтобы, обучив тебя искусству любви, он передал тебя с рук на руки калифу Кордовы от имени Донала Рая. Ты станешь собственностью калифа,

дitia мое. И чем скорее ты смиришься с этим, тем будет лучше для тебя самой, поверь. Это завидная доля, Зейнаб. Если бы в твои годы я блистала эдакой красой, я стала бы королевой!

– Мое имя Риган Макдуфф! – заупрямилась девушка.

– Тебе дали другое, моя птичка, и отныне ты должна откликаться на имя Зейнаб.

– Никогда! – задохнулась Риган. Ведь если она смирится с новым именем, то перестанет быть самой собой. Она Риган, Риган Макдуфф из клана Бен-Макдуи, навсегда, до самой смерти! До самой смерти! Что это еще за Зейнаб?! Нелепое, варварское имя, никогда она не откликнется на него! Никогда! Никогда! Никогда!

Весь следующий день она отчаянно боролась со всеми окружающими. Как они ни бились, но она наотрез отказывалась откликаться на новое имя.

– Ну что я могу поделать с ней, мой господин? – жаловалась Эрда Доналу Раю. – Морэг – та сразу же стала отзываться на свое новое имя. Отныне она Ома. Но эта строптивница Зейнаб откликается лишь на старое свое имя! Даже Ома бессильна, а уж ближе нее у госпожи Зейнаб никого нет! Может, мне побить ее, господин? Раз больше ничто не помогает...

– Не тронь ее и пальцем! – властно сказал Донал Рай. – Этим ты ничего не добьешься – разве что того, что на ее нежной коже останутся синяки. Нынче же вечером ею займется Карим. Отведи Зейнаб в приготовленные для нее покои. Карим просил растереть ее вечером маслом гардении. Он считает, что этот аромат ей более всего подходит.

Работоторговец находился в самом что ни на есть блаженном расположении духа. Все шло как по маслу, то есть именно так, как он и задумал.

Вечером в бане Риган растерли маслом, которое рекомендовал Карим. Принюхиваясь к незнакомому пьянящему аромату, Риган подозрительно сморщила носик.

– Это что еще такое? – спросила она. – Не роза, не лаванда... И кажется, мне этот запах не по нутру...

– Это гардения, – отвечала Эрда.

– Не знаю такого цветка.

– Разумеется, не знаешь, – усмехнулась Эрда. – Это прекрасный молочно-белый цветок, растущий в садах Аль-Андалус.

Риган умолкла. Себе же призналась, что запах ей необыкновенно приятен, но она ни за что на свете не даст им всем этого понять! Экзотический аромат вполне соответствовал ее характеру.

– Куда ты ведешь меня? – спросила она Эрду, когда, выйдя из бани, они пошли не туда, куда обычно.

– Тебе отвели новые покои, Зейнаб, – сказала старуха. – А у Омы будет собственная маленькая комнатка рядом с твоей. Она уже ждет тебя там, моя курочка. Пойдем... и не хмурь бровки!

Комната, куда ее привели, была невелика, но все же достаточно просторна и хорошо освещена. Расположенная в верхнем этаже дома, эта угловая комната одним окном выходила на реку, а другим – во двор дома Донала Рая. Но на обоих окнах красовались тяжелые ставни... Стены были побелены, мебель крайне проста. Тут были и жаровня, чтобы в случае надобности обогреться, и сундук для платья, и стульчик с обтянутым кожей сиденьем, и маленький дубовый столик... На почти квадратном ложе лежал матрац, набитый смесью пуха с ароматными травами и накрытый голубым атласным покрывалом. Поверх были разбросаны большие подушки в наволочках из яркого полосатого шелка и расшитые золотом. Риган не приходилось видеть столь прелестной комнатки. Она прошла по ней – и слегка воспрянула духом.

– А где Морэг? – поинтересовалась она.

– Для Омы отвели маленькую комнатку по соседству. Вот эта дверь ведет из ее комнаты в твою – тебе стоит лишь позвать ее, – сказала Эрда. – А теперь я удаляюсь, тебе нужно отдохнуть. Скоро придет Карим-Аль-Малика и начнет с тобой заниматься.

Старуха выскочила из комнаты, выказав прыть, которой Риган никак от нее не ожидала, с шумом захлопнув за собой дверь.

Сперва Риган разгневалась, но тотчас же расхохоталась.

– Морэг! – позвала она.

Дверь, ведущая в смежную комнатку, приоткрылась, и вошла девушка. Принюхавшись, она спросила:

– Что это за чудесный аромат, госпожа?

– Аромат гардении, который они изволили подобрать специально для меня! – фыркнула Риган. – Эрда говорит, что так называются белые цветы, растущие в Аль-Андалус. Мне он очень нравится – только не вздумай сказать им!

– У тебя прекрасная спальня, – сказала Ома. – Пойдем поглядим на мою.

Риган вошла в узкую маленькую комнатку с одним окошком. Здесь были сундук для платья и хорошо набитый тюфяк.

– Неплохо бы обзавестись второй жаровней... – заметила Риган. – А что, дверь в коридор заперта?

Ома кивнула:

– Да. Думаю, мы не должны никуда выходить, даже в садик... Но уже вечереет. Как люблю я долгие летние вечера!..

Вскоре Эрда принесла им ужин – хлеб, сваренные вкрутую яйца, ломтики сыра и два странных круглых фрукта с золотистой кожей.

– Это называется «апельсины», – предупредила она их вопросы. – Счищайте кожу и наслаждайтесь сладкой мякотью. Они выросли в садах Аль-Андалус. Капитан привез их в дар Доналу Раю. – Эрда поставила на стол маленький графин, наполненный вином, разбавленным водой, и удалилась, тщательно заперев за собой дверь.

Девушки сидели молча и ели. Апельсины они оставили на сладкое. А когда сок потек по их пальцам и подбородкам, звонко рассмеялись. Им обоим очень понравились апельсины, хоть их и не очень удобно было есть. Потом Ома наполнила ароматной водой чашу для омошений, и они ополоснули руки и лица. Слуга унес поднос и пустые кубки. Девушки съели все дочиста. Остались лишь шкурки от апельсинов...

Небо за окнами было розовато-лиловым, как обычно летним теплым вечером. Воздух был по-вечернему свеж, и Риган решила открыть ставни. В саду под окном слышна была песнь дрозда. На небе появился уже нежный полумесяц, а совсем рядом с ним мерцала голубая звезда...

Послышался звук отпираемой двери – девушки оглянулись и увидели входящего Карима-аль-Малику. Войдя, он вновь запер за собой дверь. Потом взглянул на Ому:

– Можешь идти к себе, Ома. До утра ты не понадобишься госпоже.

– Да, мой господин, – скромно ответила Ома, поклонилась и вышла во внутреннюю дверь.

– Как смеешь ты отдавать приказания моей служанке? – гневно воскликнула Риган.

– Если этим я оскорбил тебя, Зейнаб, то прошу прощения. Но настало время начинать уроки. Если ты хочешь, чтобы Ома наблюдала за ходом занятия, я верну ее, – невозмутимо произнес Карим.

– Я Риган Макдуфф из клана Бен-Макдуи! – отчетливо выговорила она. – Я никогда не откликнусь на это странное и чужое имя Зейнаб!

Скрестив на груди руки, она глядела прямо ему в глаза. Это был бунт.

«Она восхитительна!..» – подумал он. Какая сила духа! Но в ответном взоре его не отразилось и тени испытываемого им восхищения.

– Риган Макдуфф из клана Бен-Макдуи... Моему слуху это имя чуждо. А что значит «Риган»? Насколько я понимаю, Макдуфф – нечто вроде фамилии?

– «Риган» означает «король», – с гордостью сказала девушка.

– Ты вовсе не король, красавица моя, ты дивная женщина, которую я сделаю просто волшебной. Можешь считать себя кем заблагорассудится, Зейнаб, но помни: ты покинула навеки свой мир. Теперь ты в моем мире и станешь отзываться на новое имя очень скоро. Если не нынче же вечером, то завтра или в крайнем случае послезавтра...

Он начал медленно снимать с себя одежду: сначала длинный белый плащ, потом широкий пояс, обхватывавший тонкую талию, белоснежную рубаху. Усевшись на постель, он стянул мягкие сапоги, затем, снова встав, принялся стягивать белые панталоны.

Риган ахнула:

– Что ты делаешь?

– А разве это не очевидно? – В его синих глазах прыгали веселые искорки, хотя выражение лица оставалось ледяным. – Ты когда-нибудь видела обнаженное мужское тело, Зейнаб?

– Я не девственна... – пробормотала она, изо всех сил стараясь не смотреть на него, но искушение оказалось чересчур сильным. Широкая грудь украшена растительностью, которая спускается до самого паха... Проследив взглядом направление, девушка уставилась на его мужское достоинство. Член был светлым и обмякшим... Ноги у Карима были длинные и, подобно груди, покрыты негустой растительностью.

– А теперьними сорочку, Зейнаб, – велел он.

– Нет! – отрезала она.

Стремительно преодолев разделявшее их расстояние, он схватил ее за ворот сорочки и разорвал тонкую ткань до самого подола.

– Когда я велю тебе что-то сделать, ты должна повиноваться мне, Зейнаб! – проговорил он, срывая с Риган остатки сорочки.

Потом, взяв ее за руку, подвел к ложу и опрокинул на матрац. Когда он поглядел ей в лицо, то был потрясен выражением ее глаз – вернее, полнейшим его отсутствием. Словно дух ее внезапно покинул тело, оставив лишь пустую оболочку...

– Почему ты так страшишься меня, Зейнаб? – ласково спросил он, не выпуская ее руки. – Не надо бояться...

Она мучительно подбирала слова и наконец с трудом выговорила:

– Ты причинишь мне боль... Я не хочу, чтобы ты мне сделал больно! – Она поднялась с ложа и, дрожа, стояла босая на полу.

– Я не причиню тебе боли, Зейнаб. Прошу, расскажи мне о тех двоих, которые сделали тебе больно. Порой это помогает сбросить груз тягостных воспоминаний...

– Йэн Фергюсон... – еле слышно шепнула Риган – Карим даже наклонился к ней, чтобы расслышать. – От него пахло лошадьми, и он гордо прохаживался передо мной, похваляясь своим «жеребцом». Он стискивал мне груди, потом запустил руки между ног... Он все время извивался на мне, издавая странные звуки... Затем приказал мне раздвинуть ноги... О, какой большой был у него член, он чуть было пополам меня не разорвал! Но ему было все равно! Все равно! Он двигал во мне этим отвратительным орудием взад-вперед, хрипя и потея. Никогда не знала я такой боли! А потом... потом он еще дважды за ночь овладел мной. Отвратительно! Ненавижу его! – Она разрыдалась.

– А Гуннар Кровавый Топор? – спросил Карим. – Он тоже заставил тебя страдать?

– Когда его плоть вошла в меня, я не чувствовала боли, – уже спокойнее сказала она, – но это было не менее отвратительно. Он силой наклонил меня вперед, насильно заставил принять его член и хрюкал, словно хряк, покуда не излил в меня сок своей похоти!

– Я никогда не возьму тебя силой, – пообещал ей Карим-Аль-Малика.

– Тогда тебе никогда не обладать мной, мой господин, по собственной воле я никогда не отдам своего тела ни одному мужчине в мире!

– Ты отдашься мне, Зейнаб, – нежно сказал он. – Не нынче и, возможно, очень не скоро... Но в конце концов ты по собственной воле станешь моей – и душой, и телом. Мне вовсе не нужно будет ни к чему тебя принуждать. – Он ласково отер ладонью слезы с ее лица. – Не плачь... Прошлого не вернуть и не изменить, но будущее твое будет прекрасным. Это обещаю тебе я, Карим-Аль-Малика. Верь мне, красавица моя.

– Я не верю ни одному мужчине в мире!.. – воскликнула Риган. И он понял ее вполне. Она взглянула на него – в глаза ее понемногу возвращалась жизнь. – А что ты должен такого со мной сделать, чтобы меня можно было преподнести в дар калифу?

– Обучить тебя искусству страсти, – с легкой улыбкой ответил Карим. – Но ведь это пока для тебя пустой звук, правда?

Риган утвердительно кивнула.

– Любовь – настоящее искусство, Зейнаб. Те двое, что так жестоко с тобой обошлись, понятия не имели, какое наслаждение могут даровать друг другу мужчина и женщина. Они были грубы, эгоистичны и тупы. Оба привыкли совокупляться с женщинами, словно кобели с суками. Они ничем не лучше бессмысленных скотов, которым усердно подражают. Но так быть не должно, моя красавица. – Он ласково обнял ее за плечи и поцеловал в лоб. – Со временем я научу тебя всему, что знаю сам. А потом отвезу тебя к калифу, и ты завоюешь его сердце своей красотой и несравненным мастерством.

...Нет, она не верила его словам. Совокупление – и наслаждение? Как это совместить, она не представляла себе, но, надо признаться, он возбудил ее любопытство.

– А где ты постиг это искусство, мой господин? – робко спросила она.

– В одном городе. Он называется Самарканд.

– А почему ты стал учиться именно этому?

– Я у отца младший, – начал Карим свой рассказ. – Подобно многим младшим балованным детям, я был сорвиголова и шалопай. А когда я обрюхатил одну за другой трех отцовских рабынь, терпение его лопнуло. Старший брат мой Джафар заступился за меня перед отцом. Он сказал ему, что коль уж я так люблю «складывать зверей о двух спинах», то, пожалуй, лучше всего отослать меня в тайную Школу Учителей Страсти в Самарканде. Там по крайней мере моим наклонностям будет найдено практическое применение. Учеников в той школе всегда очень мало, туда принимают немногих, но выпускники ее в большом почете, потому что многим нужны хорошо вышколенные Рабыни Страсти. Меня тщательнейшим образом проэкзаменовали, убедились в моей мужской силе и, посоветовавшись, приняли в школу. Ну а когда я закончил ее, то стал зарабатывать себе на жизнь, обучая рабынь искусству наслаждения. Со временем я смог приобрести свою «И-Тимад»... – Карим-Аль-Малика улыбнулся Риган. – Я большой мастер своего дела, поверь, – сказал он с озорным блеском в глазах. – Я взялся заниматься с тобой, лишь уступив настойчивым просьбам Донала Рая, но когда мы закончим наши занятия, то ты, Зейнаб, станешь совершеннейшим моим творением! Обещаю тебе.

– А почему я должна обязательно стать Рабыней Страсти? Почему Донал Рай отказывается продать меня просто кому-нибудь в служанки? Я не желаю отдаваться мужчинам...

– Для служанки ты непозволительно красива, – отвечал Карим. – Ты сама это знаешь, Зейнаб. И не лукавь – тебе это приятно. Ты всегда должна быть честной. Да, это правда – я

научу тебя, как отдаваться мужчине. Но не только этому. Я также научу тебя, как заставить мужчину отдаться тебе и телом, и душой.

– Но это невозможно! – заявила она. – Ни один мужчина никогда не отдаст себя на потребу женщине! Я никогда не поверю в это, мой господин!

Карим рассмеялся:

– Но это правда, милая Зейнаб. Красивая женщина имеет великую власть даже над самым сильным мужчиной и может победить его в любовной битве!

– Я замерзла... – вздрогнув, пробормотала Риган.

Карим поднялся с ложа и прикрыл деревянные ставни. Затем, подойдя к сундуку и подняв крышку, достал тонкое шерстяное покрывало и протянул его Риган.

– Под ним и рядом со мной ты скоро согреешься. Давай-ка ляжем рядышком! – И, не дождавшись ее ответа, он распростерся на ложе и протянул к ней руки.

– Ты хочешь спать со мной? – Глаза Риган вновь были полны страха, но голос звучал твердо.

– Это наша с тобой общая спальня, – спокойно объяснил он. – Полежай под покрывало, Зейнаб, ведь я сказал тебе, что не возьму тебя силой. Я не лгу тебе.

...А перед глазами у нее стоял Йэн Фергюсон, бесстыдно бахвалящийся своей мужской статью, Йэн Фергюсон, который безжалостно истерзал ее девственную плоть, удовлетворяя свою животную похоть, растаптывая ее душу... Гуннар Кровавый Топор был немногим лучше, но по крайней мере ей не пришлось глядеть в его искаженное лицо, когда он ее насиловал...

Она взглянула на Карима-аль-Малику. Он лежал на спине, закрыв глаза, но она чувствовала, что он не спит. Можно ли ему довериться? Должна ли она ему поверить?

Дрожащей рукой она откинула покрывало и скользнула в тепло... Тотчас же ее обняли мужские руки – Риган даже подпрыгнула.

– Что ты делаешь? – испуганно спросила она.

– Так ты скорее согреешься, – ласково сказал Карим, – прижмись ко мне. Но если ты не хочешь, что ж, я понимаю тебя...

Она чувствовала тепло его руки на своих плечах. Ощущала все его крепкое тело... Присутствие его отчего-то действовало успокаивающе.

– Но не позволяй себе ничего больше! – все же предупредила она сурово.

– Только не сегодня. – В сгустившейся тьме она не увидела его улыбки. – Покойной ночи, моя милая Зейнаб. Покойной ночи...

– Ну? – поинтересовался поутру Донал Рай. – Вправду ли Зейнаб стоит того серебра, что я отвалил за нее викингу?

– На все свое время, старый друг! – отвечал Карим-Аль-Малика. – Девушка стала два раза подряд жертвой двух грубых и неотесанных мужланов. Нужно время, чтобы завоевать ее доверие. Но я добьюсь этого. Никогда не было у меня подобной ученицы! Она невежественна и вместе с тем мудра не по годам. А о любви, и тем более о страсти, она не имеет ни малейшего представления. Пройдет по крайней мере год, прежде чем ее можно будет не стыдась преподнести калифу. А может, и того больше... – Карим отхлебнул горячего вина, приправленного специями, из серебряного, отделанного ониксом кубка. – Ты согласен дать мне такой срок или, может быть, предпочтешь выставить ее на продажу на хорошем рынке в Аль-Андалус и вернуть себе свои деньги? Ведь на ее обучение нужно будет потратиться...

– Нет! Нет! Девушка – настоящее сокровище. Я понял это сразу же, как только этот чурбан Гуннар Кровавый Топор ввел ее в мои покои! Она обвела его вокруг пальца, словно ребенка! Эрда рассказала мне, что Зейнаб и Ома сдружились на корабле Гуннара. Тогда Зейнаб и придумала сказать викингу, что если ее предложить мне вместе со служанкой, то это

меня очень впечатлит. Ха-ха! Она умна как бес, Карим-Аль-Малика! – Донал Рай посерьезнел. – Сколько ты еще пробудешь в Дублине? И куда направишься отсюда?

– Разгрузка моего корабля уже закончена, Донал Рай. Думаю, за неделю мы успеем наполнить трюмы – тогда мы и отплывем в Аль-Малику. Сейчас самая середина лета, но в воздухе уже чувствуется дыхание осени. Я хочу поскорее убраться из неприветливых северных морей. Кроме того, я полагаю, что обучение Зейнаб пойдет куда успешнее, если ее вырвать из привычного окружения.

Донал Рай кивнул:

– Ты мудр. А где она станет жить?

– У меня есть дом в пригороде Аль-Малики. Поселю ее там. Все девушки, которых я когда-либо обучал, жили в этом прелестном местечке. Там все пробуждает чувственность – ласковые вышколенные слуги, роскошь и истома во всем... Зейнаб перестанет робеть, оказавшись в «Раю».

– В «Раю»? – Хозяин оторопел.

Карим рассмеялся:

– Я назвал так мой прелестный дом, мой добрый друг. Он расположен у самого моря, окружен садами и фонтанами. Там царит мир и покой...

– А твой отец? – спросил Донал Рай.

– Он предпочитает городскую жизнь, а мне предоставляет полную свободу. В каком-то смысле я оправдал его ожидания. Я в хороших отношениях с семьей, независим и богат, да к тому же и пользуюсь уважением. Я разочаровал его лишь в одном: у меня нет ни жены, ни наследников. Но этим я предоставляю заниматься старшим братьям – Джафару и Айюбу. И все же отец мой разочарован...

– И его можно понять, мой мальчик. Человек столь страстный, как ты, Карим, наверняка зачинал бы только сыновей. К тому же младший сын Хабиба-ибн-Малика – это прекрасная партия! – закончил с улыбкой Донал Рай.

– Я еще не созрел для женитьбы, – отвечал Карим. – Мне нравится моя свободная жизнь. Может быть, если мой опыт с Зейнаб будет удачен, я после нее возьму еще пару учениц...

– А в твоём гареме много наложниц? – поинтересовался Донал Рай.

– У меня вовсе нет гарема, – отвечал Карим. – Я слишком редко бываю дома, а женщины, предоставленные сами себе, впадают в беспокойство и становятся беззащитными перед соблазном... Они постоянно должны ощущать твердую мужскую руку. Вот когда я женюсь, тогда и заведу гарем.

– Возможно, ты прав, – кивнул Донал Рай. – Ты мудр не по летам, Карим-Аль-Малика!

– Разреши Зейнаб и Оме гулять по саду, Донал Рай, – попросил Карим. – Мы проведем в море несколько недель кряду, и они будут узниками в каюте корабля. Я не могу предоставить им свободу передвижения по судну: они возбудят похоть в моих матросах, а это опасно.

Донал Рай кивнул, соглашаясь:

– Да, плавание будет тяжелым для девушек. Они привыкли к твердой земле. А путешествие из Стретчклайда в Дублин заняло всего пару дней, к тому же почти всегда земля была в пределах видимости.

– Теперь же им предстоит не видеть земли много дней, – сказал Карим.

Эрда объявила Риган и Морэг, что они снова могут гулять по прелестному садику дома Донала Рая. Визжа от восторга, они понеслись вниз по ступенькам – и вновь принялись гулять на солнышке, нежиться на красивых мраморных скамеечках, болтать о таинственной Аль-Андалус, куда им вскоре предстояло отправиться...

Около полудня в садике появился Аллаэддин-бен-Омар и почтительно объявил Риган:

– Госпожа Зейнаб, Карим-Аль-Малика желает видеть вас. Он ждет вас наверху. – Чернородый моряк вежливо поклонился.

Риган поблагодарила его и покинула садик. Аллаэддин-бен-Омар улыбнулся Морэг. Протянув руку, он нежно дернул ее за косичку – девушка хихикнула. Взяв ее за руку, он принялся прогуливаться с ней по садику.

– Ты прелестна, – сказал он.

– А ты лихой ухажер. – Она улыбнулась. – Хотя я и выросла в монастыре, но таких негодяев распознаю сразу.

Он ласково и нежно рассмеялся, и Морэг почувствовала, что сердце ее тает...

– Да, Ома, я и вправду негодяй, но негодяй с добрым сердцем. А ты уже похитила его, моя прелесть. И знаешь – я не хочу получать его назад...

– У тебя медовые речи, Аллаэддин-бен-Омар, – ответила девушка с влекущей улыбкой, но тут же засмушалась и нагнулась, чтобы понюхать розочку.

Когда она выпрямилась, мужчина стоял прямо перед ней.

– А знаешь ли ты, что твое имя Ома происходит от мужского имени Омар? – Пальцы его коснулись девичьей щеки.

Глаза Морэг расширились. Занервничав, она отступила на шаг. Прикосновение было ласковым и все же слегка шокировало ее. Она глядела в его черные глаза, и сердце ее бешено колотилось. Он снова протянул к ней руки и на сей раз нежно заключил ее в объятия. Морэг чувствовала, что вот-вот упадет без чувств. Нет, пастушьи сынки из окрестностей монастыря никогда не вели себя с ней столь смело... «О-о-о-ох!» – воскликнула она, когда губы его коснулись ее рта, но она не воспротивилась, не стала вырываться... Ей было интересно, что же будет дальше, к тому же с этим великаном она, малышка, чувствовала себя в безопасности.

Из окна покоя Карим-Аль-Малика наблюдал за тем, как его друг обхаживает девчонку. Он никогда прежде не видел Аллаэddина столь нежным, столь терпеливым и ласковым с женщиной. Карим отчего-то решил, что на сей раз его друг чересчур расчувствовался. Нежный взгляд Аллаэddина, устремленный на прелестное личико Омы, служил предвестником чего-то куда большего, нежели мимолетное увлечение...

Заслышав звук открываемой двери, Карим отвернулся от окна. Лицо его озарила улыбка:

– Зейнаб! Хорошо ли тебе спалось?

– Хорошо, – призналась она. Да, она и вправду давно не чувствовала себя столь свежей и отдохнувшей, как нынче поутру, когда проснулась и не нашла его рядом. Она чуть улыбнулась.

– Продолжим наши занятия? – предложил он. – Разоблачись, моя красавица. Сегодня мы начнем постигать науку прикосновений. Наша чувствительная кожа крайне много значит в искусстве любви, Зейнаб. Очень важно узнать, как правильно ее ласкать. Ты должна научиться трогать самое себя, а также и своего господина так, чтобы пробудить все прочие чувства.

Риган была слегка ошарашена. Он говорил все это очень просто. Ничего бесстыдного не было в его голосе. Медленно она стянула с себя одежду. Отказываться было смешно – это она уже поняла. Прошлой ночью он убедительно доказал ей, что ждет от нее незамедлительного повиновения. Почти все утро она билась над разодранной сорочкой, пытаясь ее зашить: не в ее правилах было бросаться вещами. Но нежная ткань была безнадежно испорчена...

Теперь, стягивая сорочку через голову, она бросила на него быстрый взгляд из-под густых золотистых ресниц. На нем были лишь белые панталоны, и в дневном свете тело его казалось необыкновенно красивым. Риган вдруг залилась краской. Да полно, разве мужчина может быть красив?

Он бесстрастно наблюдал за тем, как она раздевается. Она была само совершенство, но тем не менее он ясно отдавал себе отчет в том, что ему понадобится все его мастерство, чтобы научить это создание искусству любви. И все самообладание... Первой заповедью учеников самаркандской Школы Учителей Страсти было: «Не позволяй ученице затронуть твоего сердца». Прежде чем начать обучать женщину, надо полностью подчинить ее, но очень нежно, а вовсе не грубо. От учителя же требовались терпение, доброта и твердость, но сердце его должно оставаться холодным.

– Господин... – Теперь она была совершенно обнажена.

Он вновь внимательно оглядел ее.

– Любовью заниматься можно в любое время дня и ночи, – начал он. – Хотя некоторые, страдающие излишней скромностью, считают, что страсть можно выпускать на волю лишь в темноте. Так вот, именно потому, что ты напугана, я решил, что, если мы будем проводить уроки при свете дня и ты будешь ясно видеть, что происходит, ты скорее избавишься от пустых страхов. Ты меня понимаешь?

Риган кивнула.

– Вот и хорошо, – сказал он. – Но прежде чем мы займемся наукой прикосновений, ты должна принять новое имя, данное тебе. Теперь ты больше не можешь носить чужеземное имя.

– Но если ты лишишь меня имени, данного мне при рождении, ты лишишь меня самой себя! – Глаза Риган были полны отчаяния. – Я не хочу исчезнуть, мой господин!

– Но ведь ты – это гораздо больше, нежели просто имя, – спокойно произнес он. – И вовсе не имя делает тебя тем, что ты есть, Зейнаб. Ты никогда больше не вернешься на родину. Воспоминания навсегда останутся с тобой, но ими одними ты не проживешь. Ты должна разорвать с прошлым и отринуть прежнее имя, данное тебе матерью при рождении. Новое имя означает новую жизнь, и куда лучшую, нежели прежняя. А теперь скажи, как тебя зовут, моя красавица? Скажи: «Мое имя Зейнаб». Скажи!

На мгновение аквамариновые глаза наполнились слезами, которые, казалось, вот-вот заструятся по щекам. Губы упрямо сжались... Но вдруг она с трудом сглотнула и выговорила: «Мое имя Зейнаб. Оно означает „прекраснейшая“...»

– Еще раз! – воодушевлял ее Карим.

– Я Зейнаб! – Голос ее окреп.

– Хорошо! – Он снизошел до похвалы, не оставшись равнодушным к ее тяжелой внутренней борьбе и победе над собой. Он вполне понимал, сколь трудно ей разрываться с прошлым, но был удовлетворен тем, что она поняла наконец: лишь вверив себя ему, она сможет выжить в новом для нее мире.

– А теперь подойди ко мне, – велел он. – Помни, что я ни к чему не стану силой принуждать тебя, но теперь буду тебя касаться. Не нужно бояться меня, Зейнаб. Ты поняла?

– Да, мой господин.

Нет, она не станет бояться, а если и испугается, то он не увидит этого ни по ее лицу, ни по глазам... «Я Зейнаб, – думала она, свыкаясь со всем тем новым, что входило в ее жизнь с этим именем. – Я существо, созданное для ласк и восторга мужчины. Вся дальнейшая жизнь моя зависит от того, чему научит меня этот человек. Я не хочу в мужа чудовища, подобного Йэну Фергюсону. И не имею никакого желания провести остаток дней в обители, молясь Господу, о котором почти ничего не знаю... Я Зейнаб – „прекраснейшая“...» Усилием воли она преодолела дрожь, охватившую ее тело, когда Карим обнял ее и притянул к себе.

...Он почувствовал, что она подавила отвращение, и был удовлетворен. Потом, взяв ее за подбородок, приподнял голову девушки и стал нежно поглаживать тыльной стороной руки ее скулы и челюсть. Пальцем провел по прямому носику, затем принялся ласкать ее

губки, покуда те не приоткрылись. Когда он улыбнулся, глядя ей прямо в глаза, Риган... нет, уже Зейнаб почувствовала, что ей не хватает воздуха.

– Ты ощутила силу касаний? – как бы между прочим поинтересовался он.

– Да! – Она кивнула. – Это мощное оружие, мой господин.

– Только если уметь им пользоваться, – поправил он. – Ну, продолжим. – Он слегка отвернул в сторону головку Зейнаб и губами нашел нежное местечко как раз под мочкой уха. – Касаться можно не только руками, но и губами... – объяснял он, – и языком. – Он мощным движением провел языком по ее шейке, благоухающей гардений.

Зейнаб помимо воли затрепетала.

– Ты начинаешь испытывать возбуждение, – сказал Карим.

– Правда? – Но она не вполне поняла его.

– Отчего ты вдруг задрожала? – спросил он.

– Я... я не знаю... – честно отвечала она.

– Взгляни на свои соски, – велел Карим.

Она поразилась, сколь малы они стали и тверды, словно цветочные бутоны, прихваченные морозцем.

– Что ты ощутила, когда мой рот коснулся твоего тела?

– По...покалывание, наверное... – заикаясь, ответила Зейнаб.

– А где именно? – Синие глаза пристально глядели на нее.

– Во всем теле, – призналась она.

– Твои чувства пробуждаются, – спокойно констатировал он. Потом, к ее величайшему изумлению, легко подхватил ее на руки и перенес девушку на постель. Нежно уложив ее, он сказал: – Продолжим наш урок здесь. Я хочу, чтобы ты привыкла к несколько более интимным прикосновениям, а это легче проделывать здесь и лежа.

«...Он не собирается делать мне больно», – повторяла она про себя как заведенная.

– Я буду теперь касаться твоей груди, – предупредил Карим, тотчас же начав ласкать своими длинными пальцами маленькую нежную полусферу. Потом он накрыл ее ладонью и слегка сжал – она прерывисто вздохнула, занервничав. Тогда он убрал ладонь и стал ласкать ее легкими движениями – самыми кончиками пальцев. Сунул палец себе в рот, не сводя с нее глаз, а потом принялся водить смоченным пальцем вокруг одного из сосков, пока тот не стал влажным. Затем, склонившись, он нежно подул на него.

«...Это и впрямь удивительно приятно», – подумала про себя Зейнаб и вслух спросила:

– А могу я делать так с тобой? Доставит это тебе удовольствие, мой господин?

– Тебе было приятно, Зейнаб?

– Думаю, да... – призналась она.

– Со временем я позволю тебе исследовать мое тело, но пока рано, мой цветочек... А теперь продолжим. – Темноволосая голова его склонилась, и на этот раз губы Карима сомкнулись вокруг соска Зейнаб, и она прерывисто вздохнула.

«...Это воистину сладко!» – пораженная, поняла она. Движения его губ вызвали прилив таких ощущений, о существовании которых девушка никогда прежде не подозревала и не считала себя способной их испытывать.

– О-о-о-ох! – вырвалось у нее помимо воли.

Он понял, что это стон наслаждения, а вовсе не страха. И сразу же занялся второй грудью – и вот уже юное тело выгибается в его руках, стремясь навстречу ласкам его рта... Он был удовлетворен. Она быстро расставалась со страхом. К счастью, травма, нанесенная ей, не столь серьезна, как он прежде полагал. Наконец, посчитав, что достаточно раздражил ее. Карим запечатлел легкий поцелуй на ее губах.

– Я доволен тобой, Зейнаб, – сказал он с нежной улыбкой. – Ты нынче прилежная ученица. А теперь, если хочешь, можешь одеться и пойти в садик к Оме, я разрешаю тебе.

- Ты... ты не хочешь продолжать? – Она была явно разочарована.
- Вечером мы продолжим урок, – спокойно отвечал учитель.
- О-о-о... – Она поднялась с ложа и, быстро одевшись, покинула комнату.

Карим-Аль-Малика хмыкнул. Да, давненько он не обучал девушек! Прежде он всегда держал себя в руках. И на этот раз он не изменил себе, хотя она и испытала наслаждение от его ласк и прижималась к нему. Но в какой-то момент его мужское естество мгновенно превратилось из дрессированного животного в дикого и буйного зверя. Ему пришлось собрать в кулак всю волю, чтобы тотчас же на месте не овладеть ею. Правда, девушка этого не поняла, но ведь и она страстно возжелала его...

...И он, не прерываясь, ласкал ее благоуханную плоть отчасти с целью самодисциплины. А потом отпустил ее – так, как когда-нибудь отпустит ее настоящий властелин, насладившись этим прекрасным телом. Это было непросто... Теперь он понимал, как сглотил, отказавшись обучать девушек после того, как Лейла из-за него покончила с собой. Это крайне раздосадовало его, он страдал, но опять же во имя самодисциплины ему следовало бы тотчас же заняться новой ученицей...

Образование, полученное им в Школе Учителей Страсти в далеком Самарканде, было для него мощным источником доходов, позволившим ему приобрести «И-Тимад» и плавать, куда ему вздумается. Купив корабль, он вскоре сколотил сплоченную команду матросов, где царили дружба и полнейшее взаимопонимание. А лишившись прежней кормушки, в последние годы он вынужден был проводить в море куда больше времени, нежели ему хотелось. Донал Рай ни разу не обмолвился о том, сколько заплатит ему за обучение Зейнаб, но Карим знал, что старый друг его отца будет щедр.

Направляясь в садик, Зейнаб столкнулась с выходящим оттуда Аллаэдином-бен-Омаром. Она кивнула ему, но ничего не сказала. Прислужницу свою она нашла сидящей на мраморной скамье – раскрасневшуюся и трепещущую.

- Он хочет тебя соблазнить, – предупреждающим тоном сказала Зейнаб.
- Да, именно этого он и хочет, – согласилась служанка. – Но своего не добьется, госпожа Риган, до тех пор, пока я сама не захочу, чтобы меня соблазнили.
- Теперь меня зовут Зейнаб, – сказала госпожа. – Глупо перечить этим маврам, ведь нам предстоит всю жизнь прожить в этой Аль-Андалус... И я больше не стану звать тебя Морэг, милая моя Ома. И не считай это проявлением трусости.
- Это не трусость, госпожа моя Зейнаб, это мудрость, – улыбнулась Ома. – Аллаэддин говорит еще, что нам нужно непременно выучиться их языку. Он называется ро... романский.
- Я попрошу позволения у Карима-аль-Малики, чтобы мы обучались вместе, – отвечала Зейнаб, – но время от времени мы будем с тобой говорить на нашем родном наречии, иначе мы его забудем. Кстати, вокруг никто его не поймет, и, если нам понадобится, мы сможем и посекретничать, Ома.

Вечером девушки отправились в бани, где их уже поджидала Эрда.

– Вы слышали? – спросила старуха. – Через неделю вы обе отплываете в Аль-Андалус. Я слышала разговор хозяина с нашим обворожительным мавританским капитаном Каримом-аль-Маликой нынче поутру. – Старуха внимательно поглядела на Зейнаб: – Правду ли говорят, что он потрясающий любовник, девочка моя? Ты наверняка уже знаешь.

– Мой господин Карим еще не занимался со мной этим, любопытная ты старуха! – вспылила Зейнаб. – Страсть – это много большее, нежели мужская плоть в женском теле. Это лишь завершение. А начинать всегда следует с начала, – высокомерно изрекла она.

У маленькой Омы отвисла челюсть.

Но Эрда вытаращила свои выцветшие карие глаза.

– Только послушайте эту малышку! – возмущенно сказала она. – Еще три недели назад она не знала, что такое баня, а теперь мнит себя гурией рая! Да, тебе многому следует научиться, девушка! Для начала хотя бы скромности.

– О-о-о, Эрда! – устыдилась Зейнаб. – Я не хотела тебя обидеть! Ты простишь меня? Ну пожалуйста!

– Может быть, я тебя и прощу... – Эрда сразу смягчилась. Потом жизнерадостно сказала: – Не горюй, моя птичка! Вскоре вы займетесь любовью по-настоящему.

Ома звонко расхохоталась, увидев выражение лица госпожи, да и сама Зейнаб не могла, как ни старалась, скрыть радости...

– Ты несносная старуха, Эрда! – покраснев, шутливо выбрала она ухмыляющуюся банщицу.

Они искупались, а затем поужинали. Эрда накрыла для них стол на женской половине. Еда была самая незатейливая. Когда они поднялись к себе, Ома сказала:

– Мне велено раздеть тебя и уложить в постель. Этот приказ передала мне Эрда.

– А господин Карим придет? – вырвалось у Зейнаб.

– Этого я не знаю, – отвечала Ома, помогая Зейнаб разоблачиться и укладывая ее. – Спите спокойно, моя госпожа.

Дверь, отделяющая комнату служанки от покоя госпожи, закрылась. Зейнаб лежала, затаив дыхание. В доме было удивительно тихо. Из сада доносилось навевающее дрему гудение насекомых... Если она закроет глаза, то вновь окажется в замке Бен-Макдуи... Впервые за много недель воспоминание не причинило ей боли. Судьба сулила ей жить вдали от родины. Теперь девушка отчетливо это понимала. «Прощай, милая Груочь, – шепнула она. – Пусть жизнь твоя будет счастливой, сестра». Потом Зейнаб смежила веки и тихо уснула.

...Он стоял над ее ложем, любуясь спящей. Карим повидал множество прекрасных женщин – и дома, и в далеких странах, – но эта красою затмевала всех. Неужели все девы Альбы столь восхитительны? Он никогда прежде не встречал дочерей этой северной земли.

Она рассказала Доналу Раю всю свою жизнь, а тот передал ее на его попечение. «Поразительно, что она сохранила рассудок», – подумал он. Ее страх перед мужчинами и неспособность ощутить любовь не удивляли Карима. Она никогда не знала ни того, ни другого. Теперь же под его руководством она постигнет все тайны страсти, овладеет вершинами мастерства – только так можно заслужить благосклонность калифа Кордовы. Понравится ли Зейнаб Абдаль-Рахману? Он могущественный правитель и знает толк в прекрасном, но поговаривают, что теперь, когда его лета клонятся к закату, ему нужна не просто красавица... Карим понимал, что именно поэтому Донал Рай уговорил его сделать из Зейнаб Рабыню Страсти.

Карим потихоньку разделся и лег рядом с девушкой, не сводя с нее глаз. Она беспокойно шевельнулась. Он осторожно провел пальцем от ямочки на шее, где бился пульс, по нежной груди. Она сонно зашептала что-то. Палец Карима скользнул вверх. Аквамариновые глаза девушки открылись – она узнала его. Склонившись над ней, он стал по очереди целовать ее соски. Потом принялся согревать их влажным своим языком, затем плавно перешел ко всей груди... Слегка запрокинув ее голову, ласкал языком стройную шею, а затем вернулся к груди.

Зейнаб затрепетала, но не от страха, а от восторга. Ей самой это было очевидно. Они не проронили ни слова. Теперь язык блуждал по ее плоскому животу. «Бедняга Груочь, – промелькнула у девушки мысль, – она только и знает, что потного и вонючего Йэна Фергюсона, который никогда не подарит ей такого наслаждения!»

– А-а-а-ах! – вырвалось у девушки, внезапно ощутившей едва уловимую дрожь в своей святой святых. Когда Карим коснулся ее гладкого венерина холма, она сжалась, но лишь на мгновение. Нет, его внимание, казалось, привлекали лишь ее дивно вылепленные бедра.

Вот он целует ее стройную ножку – и, к ее изумлению, ласкает ртом каждый пальчик по очереди...

Он осторожно перевернул ее на живот, затем сел на ее ягодички, и его большие ладони с длинными чувствительными пальцами лениво заскользили по ее плечам, спине... Она уже постанывала. Склонившись, он скользнул языком по ее плечам, а потом вдоль позвоночника. Потом он погладил ее упругие ягодички, но, когда пальцы его скользнули между ними, Зейнаб напряглась.

– Не бойся... – заговорил он впервые за все это время. – Ты должна научиться принимать в себя мужской член по-разному, Зейнаб. Тебя здесь никто никогда не трогал? – Теперь пальцы его нежно ощупывали ее тело, не стремясь вглубь.

– Нет, – напряженно ответила она.

Карим тотчас же убрал руку, но продолжал ласкать это юное тело, легкими покусываниями вызвав довольное хихиканье. Вдруг девушка почувствовала, что он накрыл ее своим телом, – она страшно испугалась. Нет, он просто нежно ткнулся носом ей в затылок и легонько подул...

Потом он снова перевернул ее на спину.

– А почему ты не целуешь меня? – удивилась она.

– Поцелуи воспаляют, Зейнаб. Думаю, ты еще не готова испытывать поцелуи в сочетании с прикосновениями.

– А разве ты не можешь просто поцеловать меня?

– Если я тебя поцелую, то захочу тотчас же коснуться, мой цветочек, – предупредил он.

Она на мгновение насупилась, а потом сказала:

– Очень хорошо, мой господин, я разрешаю тебе. Я доверяю своему учителю, думаю, у него хватит сил остановиться, если я попрошу вдруг...

– Но прикосновения будут другие, более страстные, – снова предостерег он Зейнаб.

– Я готова, – настаивала девушка и прибавила нежно: – Хочу, чтобы ты поцеловал меня!

– Зейнаб! – холодно сказал Карим. – Мне лучше знать, к чему ты готова, а к чему нет. Еще вчера ты страшилась страсти. Всего три кратких урока, а ты уже считаешь, что готова ко всему!

– Но я готова! Я хочу изведать страсть! Это прекрасно, мой господин! Совсем не то, что с Йэном или с Гуннаром... Прошу! – Она уже молила.

– Урок окончен! – ледяным тоном сказал Карим. – И вообще пора спать.

Он лег на спину и усталое закрыл глаза.

Зейнаб была вне себя от гнева. Он воспламенил ее кровь снова – она возбудилась куда сильнее, чем во время двух предшествующих «занятий». А он спит! Она жаждала изведать вкус его губ. Невзирая на мизерный свой опыт в том, что именуется страстью, Зейнаб изнывала от желания прикинуть ртом к его губам. Тихонько приподнявшись на локте, она стремительно склонилась и поцеловала его. Она вскрикнула от изумления, когда две мощные руки обвились вокруг ее талии, а сапфировые глаза оказались прямо у ее глаз. И вот она уже внизу, и желанные губы прижимаются к ее губам, заглушив стон, а железные объятия лишают ее дыхания...

Это было не совсем то, чего она жаждала, моля его о поцелуе. Она думала, что губы его будут нежны, а лобзания сладки. Но эти поцелуи были дикими и почти болезненными. Она старалась высвободиться из его объятий, но как только ей удалось запрокинуть голову, она ощутила эти жгучие поцелуи на шее. И вдруг... вдруг ей расхотелось вырываться. Она громко застонала, запустив пальцы в его густые, до плеч, темные волосы. Ведомая каким-то наитием, она уже отвечала на его поцелуи. Она чувствовала на спине его руки, пальцы ласкали кожу, обжигали... Она прильнула к нему всем телом и страстно зашептала на ухо:

– Возьми меня! Я не боюсь! Возьми меня!

...Он вот-вот упустит вожжи. Если это случится, он не сможет вышколить Зейнаб. Он хочет ее. Хочет так, как никогда и никого прежде не хотел, но это случится тогда, когда он посчитает нужным. Он, а не она! Рабыня Страсти должна повиноваться своему господину по первому же его знаку...

Разомкнув объятия, Карим бросил девушку животом себе на колени и несколько раз с силой шлепнул по попке.

– Ты непокорна, Зейнаб! – бранился он. – Если бы ты принадлежала мне, я бы привязал тебя за руки к специальным колоннам для бичевания – ты их еще увидишь – и задал бы тебе добрую порку! Сегодня ты не будешь спать подле меня. Ступай сейчас же и ложись у моих ног, ты, похотливая лиска!

– Но ты отвечал на мои поцелуи! – разозлилась она. Шлепки причинили ей боль, но она не расплачется, словно глупое дитя...

– Повинуйся мне, Зейнаб! – В голосе уже звучала угроза.

– Я буду спать на полу, – не унималась она.

– Ты будешь спать там, где я велю! У меня в ногах! В этом доме есть комната для наказаний, я уверен. А у кнута есть особый наконечник, который не оставит отметин на коже. Тебя никогда не привязывали между двух столбов и не хлестали бичом, Зейнаб? Мне говорили, что боль при этом воистину мучительна. Если ты тотчас же не подчинишься, я потребую, чтобы Донал Рай приказал слугам выпороть тебя. Двадцать плетей – думаю, неплохо для начала. Ты должна научиться послушанию. Полнейшая покорность – вот одна из основных добродетелей хорошей Рабыни Страсти. А из моего дома не вышло еще ни одной негодной рабыни! Теперь иди и ложись у моих ног.

Будь поблизости кинжал – она заколола бы негодяя! Вместо этого она покорно отползла в изножье постели. Угрозы все еще звенели у нее в ушах. А взгляд Карима неопровержимо свидетельствовал, что он не шутит. Он и вправду приберет ее, если она не покорится!

– Ненавижу тебя! – прошипела она, сверкая от ярости глазами.

– Вот и хорошо, – сказал он. – Мне не нужна твоя любовь, Зейнаб. Полюби того, кого Судьба назначила тебе в повелители, но не меня. Меня же ты станешь уважать за то, чему я научу тебя. Учись прилежно и будешь любима могущественным калифом. Если это случится, мой цветочек, у тебя будет райская жизнь. И тогда ты вспомнишь меня добрым словом. А теперь спи. Ты очень быстро преодолела глупые страхи – и я удовлетворен. А поутру мы начнем заниматься всерьез.

И через каких-нибудь две минуты он ровно задышал. А Зейнаб лежала, свернувшись калачиком у его ног, и внутри у нее все кипело. О нет, она вовсе не боялась его! Он доказал ей, что страсть и вправду существует, что мужчине вовсе не нужно быть жестоким с женщиной на ложе любви. И за это она благодарна ему, но как он ранил ее гордость, когда отшлепал ее, словно непослушное дитя! А она уже начинала было думать, что по-настоящему ему нравится... Теперь же совершенно ясно, что он оказывает дружескую услугу Доналу Раю – и не более. Ну что же, она еще покажет этому Кариму-аль-Малике! Она станет самой восхитительной Рабыней Страсти, которая когда-либо выходила из его рук. А когда она ею станет, то жестоко отомстит! Она заставит его полюбить ее и телом, и душой! Ну а когда это случится, она простится с ним и с легким сердцем отправится к кордовскому калифу. А сердце Учителя Страсти – если у этого непостижимого существа вообще есть сердце – будет разбито! Она не станет тосковать по нему и с радостью будет сознавать, что он чахнет по ней и казнит себя за то, что своими руками научил ее тому, за что она стала любимицей калифа. Зейнаб мрачно улыбалась во тьме. все-таки она истинная дочь Сорчи Макдуфф! Месть ее будет достойна кельтской женщины!

Когда настало утро, Зейнаб вела себя так, словно между ними вечером ничего не произошло.

– Доброго утра, мой господин! – ласково приветствовала она Карима.

Он ответил на нежное приветствие и прибавил невозмутимо:

– Сегодня мы приступим к изучению мужского тела – пока лишь при помощи рук. Пойдем в баню – мы с Эрдой покажем, как тебе следует купать своего господина.

– Как прикажет мой господин, – ответствовала девушка.

Он пристально поглядел на нее:

– Похоже, ты все осознала. Даже удивительно!

– Мне плохо спалось нынче ночью, – кротко сказала Зейнаб. – И у меня было время хорошенько обо всем подумать... Я хочу понравиться калифу, мой господин. Донал Рай был очень добр ко мне. И его дар калифу должен снискать ему расположение владыки. А если я буду плохо себя вести, то причиню ему вред.

Все это звучало вполне разумно. И все же это подозрительно... Чересчур разительная перемена произошла в ней за одну ночь. Она умна – это он уже знал. Просто совершенно неопытна, и, похоже, в детстве ее не приучили к послушанию. Она привыкла быть своевольной, но, может быть, впервые наказав ее, он разом выбил из нее упрямство? Ну-ну...

Они отправились в королевство Эрды. Старуха уже поджидала их. Эрда была прекрасной банщицей, а Зейнаб способной ученицей. Она старательно копировала действия Эрды, тщательно водила скребком по телу Карима, потом сполоснула его теплой водичкой... Подражая Эрде, она грациозно запустила ручку в алебастровый кувшин с мылом, растерла ароматную жидкость по широкой груди Карима, покрыв все его тело воздушной пеной. Ее нежные ладошки скользили по его мускулистой спине...

– Сегодня у меня все кости ломит, Зейнаб, – заохала Эрда. – Преклони колени, девочка, и вымой ноги Кариму-аль-Малике, но помни: каждый палец нужно мыть отдельно.

Когда Зейнаб справилась с заданием и подняла голову, взгляд ее неожиданно уперся прямо в его мужское достоинство. Ошарашенная, она лишь вопросительно взглянула на учителя.

– Действуй с нежностью. – В этом и заключался весь инструктаж, но его в сапфировых глазах плясали чертенята.

– Да, мой господин, – кротко ответствовала Зейнаб. – Вещь невелика, я справлюсь быстро, – прибавила она невинно.

Эрда даже крикнула, но старуху позабавила эта скрытая насмешка. «Что-то между ними эдакое происходит! – думала она. – Вот только что именно?»

Зейнаб тем временем намыливала член Карима-аль-Малики и его «тайник жизни» своими легкими пальчиками. Она нежно массировала член, зачарованно наблюдая, как он увеличивается в длину и ширину. Это и впрямь было удивительно, но на прелестном личике девушки не отразилось ни восхищения, ни страха. Когда же член стал совершенно каменным и поднялся вверх, Зейнаб как ни в чем не бывало встала и, протянув руку к ближайшей чаше, до краев наполненной водой, сказала:

– Позвольте мне ополоснуть вас, мой господин, мыло, должно быть, жжет нежную кожу...

– Зейнаб!!! – раздался предостерегающий крик старухи, но девушка уже окатила Карима-аль-Малику с головы до ног. – Это же холодная!..

Долгое время было тихо – слышались лишь мирное журчание фонтана да звук падающих на мраморный пол капель...

– О Бо-о-о-же... – тихо и растерянно протянула Зейнаб. Предмет мужской гордости Учителя Страсти Карима-аль-Малики тотчас же съежился и скрылся в потайных складках.

...Она сделала это нарочно, размышлял он. Ну конечно же! Это отмщение за вчерашнее его рукоприкладство.

– О господин мой, простите! – молила Зейнаб. – Я уверена была, что в чаше теплая вода. Эрда всегда заранее все подготавливает. Я думала...

– Но, курочка моя, разве я не просила тебя это сделать? – укоризненно воскликнула Эрда, указывая на кувшин с горячей водой. – Боюсь, ты позабыла...

– Глаза мои были ослеплены мужской мощью моего господина. Ведь я всего лишь невежественная северная дева... – И, не тратя попусту слов, она ополоснула все его тело, но на этот раз приятной теплой водицей.

...Еще бы! Разумеется, это злой умысел. Карим опасался, что все-таки придется прибегнуть к порке, – и в то же время уже был совершенно уверен, что это будет лучшая Рабыня Страсти, непревзойденная гурия, его гордость!..

Ласково улыбаясь, она за руку подвела его к бассейну.

– Вам уже лучше, господин мой? – заботливо спросила она.

– Рыжая хитрая лиска! – тихо произнес он.

– Да, мой господин... – столь же тихо ответствовала она.

– Ты схватываешь все на лету, – сказал он. – Ты прекрасно меня вымыла, совершив лишь один мелкий промах. Не повторяй впредь подобной ошибки, Зейнаб, иначе отвоедаешь моего кнута. Больше предупреждать не стану, мой цветочек...

– Как прикажет мой господин, – кротко прошептала Зейнаб, опустив золотые ресницы, но скромность была явно показной.

...Она объявляет ему войну. Тут он понял это совершенно отчетливо. Внешне она будет покорной, а душой не покорится никогда! Вызов брошен... Но Карима это лишь раззадорило. Он приручит ее, не сломив, однако, духа девушки. Ведь сломленная, она будет лишь одной из прекрасных ликом и телом жемчужин гарема, но долго там не протянет... Нет, она должна быть сильна и в то же время уметь склоняться. Полно, да возможно ли такое?...

Они вернулась в свою спальню. Надевая верхнее платье, Карим сказал:

– Мне нужно в гавань – проследить, как идет погрузка товаров в трюмы «И-Тимад». Прикажи Оме принести тебе что-нибудь перекусить. Отдохни хорошенько – днем я вернусь, и мы продолжим уроки.

Проводив его, Зейнаб откинула крышку сундука с одеждой, но обнаружила, что он пуст.

– Ома! – позвала она.

Девушка тотчас же появилась из смежной комнаты. На ней был надет странный чужеземный наряд, а другой, подобный ему, она перекинула через руку.

– Донал Рай велел служанкам подогнать для нас по фигуре кое-что из нарядов его матери. Это одеяние называется «кафтан», его носят все женщины в Аль-Андалус. Господин говорит, что нам пора привыкать к мавританскому платью. Вот, надень. Ну не прелесть ли?

Кафтан был сшит из небесно-голубого шелка. Воротник оказался довольно высок, но грудь при этом оставалась почти открыта – странной формы вырез был украшен серебряным шитьем, как и края длинных и необыкновенно широких рукавов. Зейнаб надела платье через голову, вздрогнув от наслаждения при ласковом прикосновении шелка к телу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.